

**Чистота крови —
чистота помыслов**

Песнь Сорокопута

Песнь Сорокопута.
Ренессанс

Фрэнсис Кель

ПЕСНЬ
СОРОКОПУТА
РЕНЕССАНС

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К34

Иллюстрация на переплете *Дарьи Дмитриевой (Markass)*

Дизайн обложки *Юлии Девятовой*

Иллюстрации на форзаце и нахзаце *Кристины Деминой*

Кель, Фрэнсис.
К34 Песнь Сорокопута. Ренессанс / Фрэнсис Кель. —
Москва : Эксмо, 2022. — 480 с.

ISBN 978-5-04-164581-6

Вся жизнь Готье была ложью, с которой он теперь не собирается мириться.

Джером больше не согласен оставаться в тени и плыть по течению.

И только Скэриэл по-прежнему хладнокровно преследует свои цели, идет по головам, сметая все на своем пути.

Чистокровным, полукровкам и низшим стало слишком тесно в Октавии.

Грядут большие перемены.

Грядет Ренессанс.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-164581-6

© Кель Ф., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

I

Киллиан Парис Бёрко.

Ни в одном учебнике по истории не значилось это имя. Мне пришлось перерыть все полки в секторе «Отечественная история», прежде чем я наткнулся на императора Париса Бёрко, прапрапра... — сколько там ещё этих «пра-», не счесть — дедушку. Вероятно, второе имя в честь него. Правил он мало, никаких важных реформ не утвердил, войн не вёл, и так уж выходило, что мы его пропускали на занятиях.

Я так увлёкся поисками, что кто-то из учеников пожаловался на меня из-за чрезмерного шума, недопустимого в стенах библиотеки лица. Само собой, мне сделали замечание, но, учитывая, что днём ранее я узнал, что моя прежняя жизнь была самым настоящим фарсом, слова сердитой работницы библиотеки показались мне всплеском воды посреди мощного шторма.

Я извинился, пообещав быть тише; только сейчас я осознал, как странно выгляжу. У нас не было никаких важных заданий по истории, поэтому мои хаотичные поиски в отделе с династией Бёрко могли показаться

кому-то подозрительными. Я устало опустился на стул и решил не спешить с выводами.

Допустим, я и правда последний наследник, сын Лукяна Бёрко. Кто об этом знает? Отец (поправочка: неродной отец), Гедеон, Люмьер, Оскар и мистер Вотермил. Это те люди, которые точно в курсе происходящего. Но кто ещё? Их определённно должно быть больше.

Теперь вопрос в другом. Почему Уильям Хитклиф взял меня в семью и выдал за своего сына? Он состоит в Совете старейшин. Туда рвётся и Гедеон. Что собой представляет Совет старейшин, я знал лишь по урокам обществознания. Он руководит страной, состоит из чистокровных, делится на партии, его члены голосуют за или против законов. На этом мои познания заканчивались. Совет старейшин появился после падения империи. Если я — это всё ещё не укладывалось в голове — ...нет, если принц взойдёт на престол в девятнадцать лет, Совет старейшин может потерять былую власть. Что, если Уильям Хитклиф забрал меня к себе, лишь бы я никогда не узнал, что являюсь принцем, и тем самым не сверг существующий политический аппарат? Но ведь проще было бы от меня избавиться...

Что-то не сходилось, и это раздражало. Мне было около года. Уильям Хитклиф мог убить меня, как убили остальных членов семьи Бёрко, либо убрать с дороги, когда мне исполнилось два или три года, например утопить, а затем месяцок погоревать на виду у соседей. Поддержать легенду, что любимый младший сын утонул. Мне уже стукнуло шестнадцать, а я всё ещё жив, значит, ему нужно что-то другое.

Допустим, мне никогда бы не рассказали, что я принц. Да и сейчас я узнал об этом только благодаря тому, что подслушал чужой разговор. Я мог всю жизнь считать,

что меня зовут Готье Хитклиф. Наверное, это было бы меньшим из зол.

Отец не скрывал, что наблюдает за мной в стенах лицея. Оценки, незначительные замечания, всё то, что стоило донести до родителей, обязательно было донесено. И то, что меня не было на первом уроке на днях, а затем я появился в заляпанной кровью рубашке на два размера больше положенного — уверен, отцу доложили и об этом. Я всё ждал, что он вызовет меня к себе в кабинет, но, как оказалось, он был слишком занят работой. Судьба давала мне время на передышку перед серьёзным разговором.

Оглядевшись, я понял, что никому нет до меня дела. Я рванул сегодня в библиотеку, как только прозвенел звонок на большую перемену, бежал, перепрыгивая через ступеньки, и чуть не сшиб младшеклассника в дверях.

В общей какофонии я различал перешёптывания, кто-то спереди готовился к зарубежной литературе, перелистывал страницы, сбоку кто-то тихо диктовал напарнику химическое уравнение, скрипел стул, слышались звуки пишущих ручек, шелест тетрадей и быстрое клацанье по клавиатуре.

На моём столе возвышалась гора из книг. Я был решительно настроен просмотреть каждую в поисках зацепки. Но, подумав, осознал, что таким поведением дам понять отцу, что со мной что-то произошло, — конечно, если ему об этом доложат. Либо я влюбился в учительницу истории, престарелую миссис Столь, и теперь из кожи вон лезу, чтобы произвести на неё хорошее впечатление, либо узнал, что я наследник императорской династии, и рыщу в поисках информации о потерянной семье.

И я не знал, говорит это во мне здравый смысл или параноя.

Что если я сознаюсь отцу и брату в том, что знаю правду? Каковы будут их дальнейшие действия? Попытается ли кто-нибудь из них избавиться от меня? Ведь как принц я могу распустить Совет старейшин. С младших классов нас убеждали, что Лукиан Модест Бёрко был никудышным императором, чьё правление привело к восстанию полукровок и низших. Подавить восстание смог только Совет старейшин. Получается, я — единственная угроза для нынешней власти.

Всё, что известно о смерти императорской семьи, это то, что когда стража ворвалась в разгромленный дворец, то увидела тело императора с пулевыми ранениями. Северина Бёрко вместе с детьми была застрелена в восточном дворце.

У меня не было к ним родственных чувств, я не знал никого лично, а в моей голове они до сих пор оставались только историческими личностями со страниц учебников. Из-за этого казалось, что я чёрствый сухарь, не способный сопереживать. Они моя семья, но я не испытывал по отношению к ним ничего, кроме смятения и недоверия.

До конца перемены оставалось ещё пятнадцать минут, нужно было срочно что-то предпринять, иначе я не усжу за партой во время урока. Краем глаза я заметил, как работница библиотеки то и дело бросает в мою сторону недовольные взгляды. Кажется, она уже записала меня в список нежелательных посетителей. Я принялся вяло разбирать книги и возвращать их на полки. Это было ошибкой. Стоило просто оставить всё на столе. Я перепутал порядок расстановки книг — войны девятнадцатого века перекочевали в один ряд с Великими географическими открытиями, а «История великой династии Бёрко» теперь соседствовала с биографиями Аристотеля и Платона.

— Ты целенаправленно пытаешься запихнуть «Взлёты и падения Лукиана Бёрко» в один ряд с военными реформами восемнадцатого века? — внезапно раздался позади меня насмешливый голос, да так, что я чуть было не выронил три книги, которые пытался удержать в одной руке, пока второй безуспешно тыкался в плотный книжный ряд.

Не знаю, по какому случаю Оливер решил посетить библиотеку, но мне совсем не хотелось сейчас объяснять стопки книг на столе. Ему точно не соврёшь о том, что задано по истории.

— Мгм, — неопределённо промычал я, пойманный на месте преступления, повернулся и столкнулся с Оливером взглядами. — Не заметил, куда ставил.

— А-а-а, — с долей разочарования протянул он. — А я уже было подумал, что ты специально приходишь в библиотеку, чтобы перемешивать книги в разных секторах.

Я не мог понять, шутит он или говорит серьёзно. Может, Оливер сам любитель время от времени устроить бардак в библиотеке. Возможно, из-за таких вот шалостей старенькая работница всё время на взводе.

— Что читал? — Он с интересом пробежал взглядом по корешкам книг. — Биография Бёрко?

— Да так... — неуверенно начал я, пытаюсь придумать убедительную причину. — Поспорил со Скэриэлом насчёт императора...

— Да? И о чём же? — не унимался Оливер.

Я точно знал, что он видит мои жалкие попытки оправдаться и с нескрываемым удовольствием следит за тем, как я буду выкручиваться, застигнутый врасплох. Зря я упомянул Скэриэла, ведь Оливеру он нравится. Они даже успели поцеловаться! Я чуть было не дал себе по лбу. Надо было что-то ляпнуть про Габриэлла или ещё кого, в ком он совсем не заинтересован.

— Ну... Я вот считаю, что Лукиан Бёрко в свободное время любил вязать шарфы.

Оливер посмотрел на меня так, словно я испортил воздух. Лучше бы промолчал, честное слово. Я видел, как он переосмысливал своё дружелюбное отношение ко мне. Кажется, я стремительно скатился в его глазах на самое дно и таким образом скоро окажусь в одном ряду с Мартином и Кливом.

— Точнее, ищущая, вязала ли Северина Бёрко, — исправился я на ходу, вспомнив, как мама однажды подарила мне шарф.

Со стороны раздалось раздражённое шиканье, напоминающее о том, что мы в библиотеке. Понизив голос, Оливер спросил:

— И как?

— Что как?

— Вязала ли Северина Бёрко? — посмеялся он.

— В книгах об этом ни слова... — Я запихнул оставшиеся тома на полку и вернулся за стол.

— Тогда поищи в интернете, — с улыбкой посоветовал Оливер, присаживаясь рядом. До этого он держал руки в карманах, теперь я увидел, что его правая ладонь аккуратно перевязана бинтом.

— Вся информация об императорах проходит цензуру. — Я убрал тетрадь в рюкзак. На языке так и вертелся вопрос о забинтованной руке.

— Но ты же не взрывчатку собираешь, — хмыкнул он. — Хотя если что-то личное ищешь, то воспользуйся VPN.

Почему мне это не приходило в голову? В Октавии интернет контролируется, новости фильтруются, большинство зарубежных сайтов блокируется, но есть аналоги, вполне позволяющие жить комфортно. Я никогда прежде

не задумывался о том, чтобы установить VPN, но, с другой стороны, и поиском запрещённых тем тоже не занимался.

— А ты пользовался?

Оливер подпёр подбородок кулаком, удивлённо приподнял правую бровь и глянул на меня, словно мы говорили о прописных истинах, которые только мне одному неизвестны.

— Постоянно сижу с VPN.

Я зачем-то медленно кивнул. Оливер хмыкнул, опёрся на спинку стула, разглядывая меня.

— Я так порно ищу, — добавил он мимоходом.

Вот это, конечно, тема для обсуждения. Я замолчал, уткнувшись в сцепленные перед собой ладони.

Оливер пощёлкал пальцами перед моим носом.

— Эй, Хитклиф, — прыснул он со смеха. — Не заморачивайся.

— Ты что-то хотел найти в библиотеке? — решил я сменить тему. До конца перемены оставалось не больше десяти минут.

— Тебя.

— Зачем?

Тут он стушевался, мигом растеряв остатки бывшего лоска. Спрятал руки под стол, придвинулся ближе, словно собираясь поделиться со мной какой-то тайной. Нервно обвёл взглядом остальных в зале, затем неуверенно вернулся ко мне. Смотрел он при этом мне в район ключиц.

— У тебя, случайно, нет номера телефона Бернарда?

— Прости, но нет. Да никогда и не было. — Подавшись к Оливеру, я тоже понизил голос.

С Бернардом я виделся, только когда собирались папины друзья. Его отец владел больницей, был прекрасным врачом. Я не мог представить, как у Оливера, того самого, что на встречах стоял с сестрой в сторонке

и практически ни с кем не общался, и шумного Бернарда, болтавшего с гостями в центре зала, могло быть что-то общее. Хотя, должен признать, я мог ошибаться. Раньше я считал, что у Скэриэла и Леона нет ничего общего, пока Скэр не удивил познаниями в балете.

— Жаль, — разочарованно сказал Оливер. — Ты просто часто с ним зависал, когда мы семьями собирались.

— Ага, но номерами не обменивались и за пределами этих встреч не общались. Ты можешь спросить у Оскара, они соседи.

— С Оскаром я совсем не знаком. Только здороваемся, и всё. — Оливер окончательно раскис.

— У меня есть номер телефона Оскара... — начал было я и замолчал.

Вчера я принял жёсткое решение вычеркнуть его из своей жизни, а теперь вот заикнулся перед Оливером.

— Ты можешь его попросить достать номер Бернарда? — Приблизившись, Оливер приподнялся на локтях.

— Не знаю... — замялся я, отодвигаясь и соображая, за что ухватиться, как вывернуться. — Мы с ним тоже не близки. Гедеон с Оскаром в ссоре, и, если я буду общаться с ним, мне влетит, — честно признался я под конец.

— Понимаю, — протянул он, хотя мне казалось, что ни черта не понимает.

— Прости за нескромный вопрос, а зачем тебе номер Бернарда?

— У меня был его номер, но, представляешь, я утопил телефон! Я хотел у Бернарда спросить про латынь в академии. Что именно они проходят, какой преподаватель. Слышал, что он хорош в латыни.

Не знаю, врал ли Оливер или нет, но звучало достаточно убедительно. Я слышал о том, что Бернард изуча-

ет латынь, да он и сам рассказывал смешные истории с занятий.

— А с рукой что? — Я указал на бинты.

Оливер с непониманием посмотрел на меня, затем на свою правую ладонь, словно только сейчас о ней вспомнил.

— Да пустяки, — отмахнулся он. — Ночью проголодался и хотел приготовить сэндвичи с сыром. Как видишь, повар из меня бестолковый.

— Нарезал сыр в темноте, что ли? — Настал мой черёд шутить.

— Что? — Казалось, что мысли Оливера далеко отсюда. — А, нет. Просто нож соскочил.

— А у Леона спрашивал про номер Бернарда?

— Леон? Они общаются? — Глаза у Брума округлились.

— Мне кажется, да.

«Точно общаются», — подумал я, вспоминая, что Бернард — обладатель дружелюбного характера и мастер весёлых историй, при этом любящий потрепаться не по делу и перемыть другим косточки. Именно он рассказал Леону про драку между Гедеоном и Оскаром, так ещё и что-то там вякал про Скэриэла.

«Бернард говорил, что у тебя появился ручной полукровка», — сказал тогда Леон.

— Вот вы где! — торжественно раздалось сбоку, а следом — агрессивное шиканье от наших ближайших соседей. Мы с Оливером вздрогнули и повернулись.

Лаванда Фло, наша староста, заведовавшая организационными вопросами в лицее, стояла напротив стола с папкой в руках. Оливер мигом отодвинулся, словно само её присутствие было ему неприятно. Я вспомнил, как он однажды у меня дома так отреагировал на Лору. Тогда он ещё умудрился скорчить гримасу, но в этот раз

сдержался. У меня закрались подозрения, что Оливер на дух не переносит девушек.

— Вы мне и нужны, — не дожидаясь приветствия, деловито объявила Лаванда, чуть понизив голос. — Мы в общем чате решили устроить дополнительные занятия по танцам для тех, кто плох в вальсе.

— Общий чат?

— Вальс?

— Да, дорогие мои, — с укором подтвердила Лаванда. — Вы оба вышли из чата ещё в начале года. А мы там, между прочим, важные дела обсуждаем.

— Точно, — прыснул Оливер. — Да я сразу вышел, как увидел десятки сообщений «Приветтики!» и «Как прошло ваше лето?». У меня еле хватает терпения видеть вас по полдня в лице, боже упаси ещё читать эти сообщения сутки напролёт.

Выглядел он при этом очень довольным собой. Лаванда вся напряглась; я был готов к тому, что она сейчас его треснет папкой.

— Я не выходил, — в тон Лаванде произнёс я, — просто отключил оповещения, а то вы там до двух ночи мемы с котятками кидали.

Оливер положил ногу на ногу и ритмично покачивал ступнёй. Смотрел он на Лаванду, словно она устроила целое представление.

— Не важно, — отрезала она, пытаясь сдержаться и не высказать пару ласковых. — Мы будем танцевать вальс на выпускном. Вас записывать на дополнительные занятия?

— До выпускного ещё полгода! — повысил голос Оливер. Я глянул на работницу библиотеки, та грозно уставилась на нас в ответ.

— Ой, кто это тут у нас возмущается, неужели гуру организации? — Прищурившись, Лаванда сложила руку козырьком у лба, словно высматривала кого-то по сторонам, затем пренебрежительно глянула на Оливера. — Вот если бы ты занимался организационными моментами, то знал бы, что всегда нужно готовиться заранее, а это значит, собрать желающих, — она принялась загибать пальцы, перечисляя, — найти преподавателя, помещение, обговорить расписание, оплатить занятия...

— Понял, каюсь. — Оливер театрально поклонился ей. — Пять ударов плетью мне по спине, и конфликт решён.

— Обойдёмся без кровопролития. Так что с занятия-ми? Вас записывать? Как у вас с вальсом?

— Обязательно танцевать? — спросил я.

— Да! Ты хоть понимаешь, что это наш выпускной и там мы...

— Стоп, стоп, стоп. — Оливер примирительно выставил руки вперёд. — Мы всё поняли. — Положив руку на грудь, он с чувством произнёс: — Выпускной — дело всей жизни. — И, обращаясь ко мне, драматично изрёк: — Как мы могли это забыть?

Не сдержавшись, я прыснул от смеха. Лаванда вспыхнула гневом. То, с каким рвением она бралась за дело и как верила в то, чем занимается, было прямо противоположно тому, с каким пренебрежением относился ко всему происходящему Оливер. Вдобавок я ещё посмеялся над шутками Брума в её присутствии. Думаю, для таких, как я и Оливер, в аду припасён отдельный котёл.

— Нет, мы не будем ходить на дополнительные занятия, — подытожил Оливер, вальяжно развалившись на стуле.

— А ты умеешь танцевать? — недоверчиво прищурилась Лаванда.

— Да. Я помогу Готье с подготовкой, если ты оставишь нас в покое.

— Делайте как вам угодно, — с обидой бросила она и, развернувшись на каблуках, направилась к выходу.

— Её бы энергию да в мирное русло, — покачал головой Оливер, провожая Лаванду взглядом.

И тут я задумался над тем, что если Оливеру и правда некомфортно с девушками, то как он будет танцевать на выпускном? Только если с Оливией. Я бы тоже не прочь с ней потанцевать. В нашем классе девочек было меньше, чем мальчиков, поэтому я не понимал, как мы разобьёмся на пары. Быть может, администрация разрешит пригласить кого-нибудь не из лица. Хотя приглашать мне было некого. Я внезапно осознал, что у меня практически нет друзей.

— Пойдём, скоро звонок, — вздохнул Оливер, поднимаясь.

— Где Оливия? — Я двинулся следом, закидывая рюкзак на плечо.

— Парень из параллели попросил её поговорить наедине, — равнодушно бросил он. — Наверное, в любви признаётся, а она вежливо его отшивает.

Сердце сделало кульбит, но я быстро взял себя в руки. Оливер с любопытством оглянулся, проверяя, как я отреагирую.

— Она тебе нравится, да? — прищурившись, спросил он.

— Да, — честно признался я. Не было смысла лукавить. Оливер видел меня насквозь. У Оливии в поклонниках половина лица, и он их всех недолюбливал.

Песнь Сорокопута. Ренессанс

Мы торопливо пересекли холл, направляясь к лестницам.

— Ты ей тоже нравишься, — как ни в чём не бывало произнёс Оливер. Опередив меня, он поднялся по ступенькам.

Я встал как громом поверженный, не осознавая, что мешаю потоку учеников. Это не могло быть правдой, но я, как утопающий, схватился за соломинку. Оглянувшись на меня, Оливер хмыкнул и спустился, встав на две ступеньки выше.

— Я думаю, она в тебя влюблена, — проговорил он в тот самый момент, когда заиграла мелодия, возвещающая начало урока.

— Что? — Я ухватил его за рукав и с силой потянул на себя. — Ты издеваешься?

Я правильно всё расслышал? Влюблена? Быть того не может. Ученики понеслись к кабинетам, а мы так и стояли на лестнице.

— Я серьёзен, — проговорил Оливер. — У неё есть личный дневник. Она пишет там инициалы «Г. Х.». Думаю, что это ты, Готье Хитклиф.

II

— Если Адам скажет что-то грубое, не реагируй, — шепнул Скэриэл, прежде чем мы вошли в кабинет.

Большое полуподвальное помещение. Ни капли дневного света. Гнетущая атмосфера богом забытого места, где порой творились страшные вещи. Я сглотнул и уставился на свои ботинки. Под ногами тёмно-коричневый паркет с горизонтальным рисунком, никак не сочетающимся с бетонными стенами. Огромная дизайнерская люстра портила и без того убогую картину, открывшуюся мне. Искусственный приглушённый свет обычно ассоциируется с интимной обстановкой, но здесь складывалось ощущение, что хозяину попросту не хватало денег на нормальную люстру. Но это было абсолютно не так. Стены выкрашены в багровый, давящий на психику цвет. Скэриэл однажды сказал, что стены часто покрывались кровавыми брызгами, а отмывать поверхность от застывших капель — неблагоприятное занятие. Я не представлял, как можно долго сидеть здесь и не сойти с ума.

Меня нервировало нахождение в кабинете у мистера Эн. Его звали Энтони, кто-то ляпнул, что в молодости он был «жестокий Тони» или «Тони Без Обид». Этот человек

с лёгкостью избавлялся от своих подельников со словами: «Без обид, дружище». Кто в здравом уме мог согласиться с ним работать?

Да только вот Скэриэл работал.

Мистер Эн руководил большей частью территории Запретных земель, годами отвоёвывая каждый метр у местных банд и группировок. Я знал, что клуб «Глубокая яма» принадлежит ему. До меня доходили слухи, что основную прибыль мистер Эн получал от оборота наркотиков, среди которых важное место занимал наркотик вис¹ — имитация тёмной материи. Я никогда не видел таблетки вис своими глазами. Это не то, что тебе могут предложить в особенно тёмных уголках ночного клуба.

Оперевшись на спинку стула, мистер Эн сидел за огромным, заваленным бумагами столом. На полу — большая пустая сумка. В стороне — продавленный низкий диван, на котором вальяжно уселся Адам с ещё одним парнем. Мистер Эн курил толстую сигару, сосредоточенно наблюдая за тем, как два амбала выбивают дурь из мужчины напротив. Мы прошли вглубь и встали сбоку от жестокой расправы. На лице Скэриэла не дрогнул ни один мускул, словно это было обыденностью: наблюдать за наказанием подчинённых. Впрочем, и мистер Эн не обратил на нас внимания.

Я успел разглядеть сплошное кровавое месиво на лице мужчины. Глаза заплыли синяками, словно его били уже не первый час. Нос кошмарно покосился и распух. Передние зубы отсутствовали; он громко кашлял, давясь кровью. Светлый свитер был весь забрызган алыми каплями. Ткань выглядела поношенной, с катышками, грязными разводами, будто кофтой успели несколько раз вытереть пол. Чуть поодаль в углу валялась порванная куртка. Посиневшие

¹ В и с — от латинского *vis* — «сила». (Прим. автора.)

запаястья мужчины были связаны за спиной; иногда он заваливался на сторону, не в силах устоять на слабых ногах.

После очередного града ударов мистер Эн металлическим голосом произнёс:

— В последний раз спрашиваю, где деньги?

— Я... — мужчина пытался отдышаться, по подбородку текли кровавые слюни, — не... знаю. — Он захрипел, закашлялся, алые брызги долетели до бумаг на столе.

От гнева лицо мистера Эна покраснело, а губы сжались в тонкую линию. Я задавался вопросом, сколько длится допрос с побоями.

— Избавьтесь от него, — раздражённо бросил мистер Эн.

Мужчина взвыл, как подстреленный зверь. Он пытался отползти, но, получив удар в солнечное сплетение, затих, размазывая кровь по полу. Мистер Эн сдвинул брови и сморщил нос — кажется, он был недоволен чистотой паркета. Брезгливость так и читалась на его лице.

Один из амбалов вышел из кабинета. Я не отрываясь смотрел на избитого мужчину. Он хрипел, временами пытаясь сказать что-то ещё. Взглянув на Скэриэла, я с ужасом понял, что эта сцена никак его не тронула. Он тоже наблюдал за избитым, но выглядел отстранённо. Мистер Эн не спеша курил сигару, выпуская столбы табачного дыма. В помещении стоял затхлый сырой запах с нотками крови и дыма дорогой сигары. Подойдя ближе к мистеру Эну, можно было уловить шлейф тяжёлого одеколona, забивавшего посторонние ароматы. После этой встречи я ещё долго ощущал на себе его парфюм.

Вскоре вернулся громила. Кажется, его звали Рой. Я встречал его раньше и помнил с тех времён, когда он работал вышибалой в клубе. Теперь он стал мастером по части запугиваний, расправ и заметания следов.

Рой притащил ведро с водой. Нёс он торопливо, не боясь расплескать по дороге. В голову закралась страшная мысль. Неужели они утопят его у нас на глазах? Скэриэл устало переступил с ноги на ногу, отошёл на два шага назад и лениво прислонился к стене. Для полноты картины ему не хватало ещё достать пилочку для ногтей. Я отошёл следом.

Второй амбал поднял беднягу, грубо схватив за волосы, и с силой опустил его голову в ведро, основательно расплескав воду. Избитый начал вырываться; поднялись пузыри с выходящим воздухом. Он кричал под водой. Тело забилося в конвульсиях. Пока один держал мужчину, второй налёг на ведро, чтобы оно не перевернулось. Казнь длилась две долгие минуты. Я краем глаза заметил, как Адам на диване оскалился, наблюдая за поникшим телом. Его друг выглядел испуганным.

— Тихо, чисто, практично, — довольно заключил мистер Эн, пока один его подручный уносил тело, а второй наскоро протирал паркет чужой порванной курткой, и учительным тоном добавил: — И меньше крови.

Адам криво улыбнулся.

— Пусть это для вас будет уроком на будущее. — Мистер Эн обвёл нас хмурым взглядом. — Всем, — он поднял указательный палец, привлекая наше внимание, а затем указал на себя, — кто попытается меня кинуть, обокрасть, прямая дорога на кладбище. — И постучал пальцем по столу, указывая вниз. — Адам. — Он взглянул на парня и позвал к себе; тот поднялся, подошёл ближе. — Подёргай за свои ниточки и узнай, куда этот сукин сын дел товар и деньги.

— Да, босс.

— Кто это с тобой? — Прищурившись, он внимательно осмотрел парня позади него.

— Мой напарник Кэмерон.

— Участвовал с тобой в налёте?

Адам кивнул.

— Ему можно доверять?

— Да. Ручаюсь за него.

— Подойди.

Кэмерон встал рядом с Адамом.

— Статус?

— Полукровка.

— Сколько лет?

— Восемнадцать.

— Принимаешь, нюхаешь, колешься? — требовательно спросил мистер Эн.

— Балуюсь марихуаной.

— Тебе ещё придётся заработать моё доверие, — скептически отозвался мистер Эн, повернулся к нам, бегло взглянул на меня и обратился к Скэриэлу: — Как его зовут?

Адам недовольно хмыкнул, с презрением смотря на нас.

— Джером, — отчеканил Лоу. — Мы с ним уже полгода работаем вместе, из одного интерната вышли. Ему можно доверять. — Он кашлянул в сторону, добавив: «В отличие от некоторых».

— В лицо выскажи, ублюдок! — вспыхнул Адам.

— Кто ты, чёрт тебя дери, такой, чтобы я с тобой разговаривал, мудила? — не остался в долгу Скэриэл, делая шаг вперёд.

Адам подошёл ближе и встал в стойку, готовясь нанести удар. В этот момент мистер Эн с грохотом опустил кулак на стол. Все, как по команде, посмотрели на него.

— Свои детские разборки оставьте за пределами моего кабинета, усекли?

— Этому ублюдку нельзя верить! Куда делась та партия виса, что вы ему дали в прошлом месяце? — набычившись, закричал Адам. — Я лично опросил всех дилеров в нашем районе. Никто не получал товар.

Он был так зол, что на его шее вздулись вены.

— Это тебя не касается, — хладнокровно ответил мистер Эн. — Захлопни пасть, пока я добрый.

Адам угрюмо замолчал.

— Он выполнял моё задание. Если ты ещё раз сунешь свой нос в мои дела, Адам, я лично его отрежу, понятно?

Скэриэл торжествовал. Он был ниже Адама на полголовы, но выглядел таким довольным, словно мог раздавить того ботинком, если бы захотел.

— Как там тебя? — Мистер Эн посмотрел на меня. — Джером?

— Да, сэр. — Я решил быть вежливым. — Я низший.

— Я тебя помню, — прищурился он. — Ты редко здесь бываешь, верно?

— Чаще всего я работаю в центре, — честно ответил я.

— Принимаешь вис?

— Да. Таблетка в месяц, — соврал я по требованию Скэриэла.

Вис позволял низшим выдавать себя за полукровок благодаря имитации тёмной материи. При этом искусственная тёмная материя не имела никакой физической силы. Фальшивка для отвода глаз, не более.

Вис был дорогим и небезопасным удовольствием. Я слышал истории, что части тела со временем загнивали, чернели и отказывались функционировать — всё это в итоге приводило к ампутации. При этом постепенно организму требовалось увеличивать дозу. Все начинали с таблетки в месяц, через полгода это были уже две таблетки, и так по нарастающей, до тех пор пока иммунная система не начинала сдавать позиции. Низшие годами принимали вис, пытаясь жить как полукровки среди чистокровных, но все они сгорали через десять лет, если не раньше. Передозировка не была редкостью.

Скэриэл сказал, что мне нужно соврать мистеру Эн, будто я сижу на висе.

— Иначе как объяснить то, что ты постоянно обманываешь пограничников при пересечении границ? М? Не думал об этом? — как-то усмехнулся Лоу.

— Не знаю. А если меня спалят? — Не нравилась мне эта идея.

— В чём? Никто не будет проверять тебя в Запретных землях.

Когда мы впервые за долгое время встретились в Запретных землях и Скэриэл поведал о том, что живёт в центре, я было решил, что он подсел на вис. Каково же было моё удивление, когда это оказалось не так. Полукровка, владеющий силой чистокровных. Никаких наркотиков, просто сама судьба благоволила ему.

— Кто твой дилер? — спросил мистер Эн.

— Генри из района Пяти улиц¹, но он теперь живёт в центре, — бойко ответил я, хотя никакого Генри не знал, а просто говорил заученные фразы.

Скэриэл подготовил для меня целое досье на этого дилера, лишь бы я не провалился перед мистером Эном. В первое время я думал, что Скэриэл заставит меня принимать таблетки, чтобы я мог имитировать тёмную материю, но он предложил тренироваться с Эдвардом, улучшать навыки на расстоянии. Мы добились прогресса в этом деле. И хоть я всё ещё паниковал при пересечении границы, нельзя не отдать должное Скэриэлу — он придумал гениальный ход.

— А что по поводу него? — Мистер Эн указал на Скэриэла. — Не помогает ли он тебе с висом?

¹ Район Пяти улиц — основным местом разборок является район под названием «Пять углов». Он получил своё название из-за необычного месторасположения. В начале XIX века там пересекались сразу пять улиц — Энтони, Оранж, Малберри, Кросс и Литл Уотер. Отсылка к книге «Банды Нью-Йорка». (Прим. автора.)

— Да стопудово, — бросил Адам. — Брать в напарники низшего — идиотский поступок.

Скэриэл показал ему средний палец. В ответ Адам сжал свой пах и толкнулся, намекая на то, чтобы Лоу у него отсосал. Адам был прав. Никто не любил работать с низшими, а тем более брать их на важные дела. Адам и Кэмерон — полукровки, им можно доверять. А я низший, да и засветился раньше в клубе за воровством, поэтому Скэриэл решил не ходить по лезвию ножа и не врать насчёт моего статуса.

Иногда честность — лучшее оружие.

— Скэриэл никогда не доставал мне вис, сэр. — Я видел, как мистеру Энну нравится такое обращение.

— Допустим, — ухмыльнулся он. Ни капли он нам не верил. — Если я узнаю, что ты, — он указал на Скэриэла, — вор�ешь у меня наркотик, даже один грамм, я четвертую тебя вместе с твоим напарником.

— Конечно, — убедительно произнёс Скэриэл. — Я вас не подведу.

— А теперь к делу. К северу от района Пяти улиц есть дом. — Мистер Эн поднял тонкий скоросшиватель. — Адрес и фотографии в этой папке. Там живёт семья Уинстона Бойла. Кто это?

— Прокурор, — ответил Адам. — Он посадил несколько наших парней.

— Верно, — одобрительно согласился мистер Эн. — Сам Уинстон Бойл там не живёт, только его престарелые родители. У его отца прибыльный магазин запчастей. Адам и, — мистер Эн пощёлкал пальцами, вспоминая имя напарника, — Кэмерон, обчистите его. Вся наличка, шины, зеркала, двигатель — унесите всё подчистую. Магазин и дом.

— Понятно, — кивнул Адам. — Сроки?

— Весь следующий месяц в вашем распоряжении. Джером займётся слежкой за родителями Бойла. Во сколько

встают, завтракают, работают, во сколько срут и занимаются любовью, если старика ещё не коснулась импотенция. — Он посмотрел на меня: — Ты отвечаешь за наводку и время.

Я кивнул.

— Скэриэл, ты займёшься своим заданием. На тебе Уинстон Бойл, он работает и живёт в центре. Твоя задача — заразить его. Он должен сгореть от болезни за полгода, не больше.

— Понял.

— У вас у всех одна задача — разрушить жизнь Бойла. Если что-то выйдет из-под контроля, то я вас четверых задушу собственными руками, это ясно?

Раздались недружные «да», «ясно», «понятно». Я промолчал.

— А теперь проваливайте. — Мистер Эн нетерпеливо швырнул папку Адаму. — Скэриэл, останься.

Я вышел вслед за Адамом и Кэмероном и торопливо направился к лестнице. Скэриэл предупредил, чтобы, если босс его оставит, я не задерживался, а шёл сразу к Эдварду. Он ждал нас на парковке неподалёку. Я прибавил шагу, надеясь оторваться от Адама. Тот переговаривался с напарником в коридоре.

С силой толкнув тяжёлую дверь, я вышел на улицу и с облегчением вдохнул свежий воздух. Ещё никогда я не был так рад оказаться на улице в Запретных землях. Сделав пару глубоких вдохов, я устремился к наземной многоуровневой парковке.

Впервые я получил задание от самого мистера Эна. Служка — что может быть проще? Я не думал, что он вообще что-то может мне доверить, ведь я был новичком, так ещё и низшим.

Осматриваясь по сторонам, я вошёл на парковку. Эдвард высадил нас на улице, а сам сказал, что припарку-

ется здесь. Не спеша обойдя первый этаж, я направился к лифту. Эдвард ждал на втором этаже.

У самого лифта кто-то со всей силы толкнул меня, отчего меня отшвырнуло к грязной стене.

— Привет, Джером, — проговорил сзади Адам.

Я хотел было послать его на хрен, но он схватил меня за волосы и грубо приложил лицом о стену. У меня чуть искры из глаз не посыпались. Казалось, что он проломил мне левую часть лица, а от скулы и носа вообще ничего не осталось. Я попытался вывернуться, но Адам навалился всем телом, прижимая меня к стене.

— Скажешь своему дружку, что если он ещё раз будет наезжать на меня перед боссом, то я ему хер отрежу, понял?

Я начал брыкаться. В какой-то момент мне удалось высвободить руку и заехать ему локтем. Адам издал смешок и снова со всей дури приложил меня об стену, как тряпичную игрушку.

— Ты понял? — грозно спросил он вновь.

Кажется, я зарычал. Что он от меня хотел? Как я мог ответить, когда он буквально вдалбливал меня в бетонную шершавую поверхность. Я не мог даже открыть левый глаз от боли. Шипел, вырывался, выл, пытался освободиться из захвата. Он рассмеялся за моей спиной.

— Будешь хорошим мальчиком, и я тебя не трону, — проговорил Адам и лизнул меня в правую щёку.

Я снова взревел, принялся вырываться с удвоенной силой. Как хотелось вмазать ему пару-тройку раз! Адам оттолкнул меня в сторону. Не удержавшись, я полетел на пыльный бетонный пол.

Ладони кровоточили, и я сразу вспомнил, как в пять лет отец учил меня кататься на велосипеде. Я упал, разодрал колени и ладони. После этого отец купил наколенники и перчатки. Почему он не купил их раньше, я не знал.

Это первое, о чём я подумал, оказавшись на полу. Адам скрылся так же тихо, как и появился.

На втором этаже я нашёл машину Эдварда. Он прищелкнул при виде меня.

— Мистер Эн? — обеспокоенно спросил он, доставая влажные салфетки.

Я помотал головой, сгорая от стыда. Никому не расскажу, что Адам облизал мне лицо. Просто стычка, какие часто происходят в Запретных землях. Я посмотрел на себя в зеркало заднего вида и скривился. Лоб, скула, нос и губы в ссадинах. Больше всего досталось скуле, она кровоточила и саднила. Выглядел я паршиво. Словно участвовал в уличных боях, но на деле меня поимел только один ублюдок.

Эдвард осторожно протёр моё лицо, затем ладони, сетуя на то, что Скэриэл связался с опасной группировкой. В это время я злился только на свою беспомощность.

— Кто тебя так? — не унимался Эдвард. — Это из-за Скэриэла?

— Да не важно, — буркнул я.

— Тебя кто-то отметелил и это не важно?

— Да.

Он устало выдохнул и повернулся всем корпусом в мою сторону.

— Хочу рассказать тебе одну историю.

Я промолчал. Меньше всего хотелось сейчас слушать чужие истории.

— Когда я был молод и не знал, куда идти, то пошёл работать надзирателем в тюрьму для низших. Проработал там два года и насмотрелся на этот ужас. В тюрьме много жёстких правил, и если их придерживаться, то всё будет под контролем, а если нет, то кто-нибудь может затащить тебя в душ, отыметь и зарезать. Я долгое время работал в блоке для тех, кто сидел за нетяжкие преступления. Но

Песнь Сорокопута. Ренессанс

однажды меня перевели к головорезам. Мне дали напарника, наивный был парень, добрый, верил всем.

Я с сомнением посмотрел на Эдварда. Мы никогда не разговаривали по душам. Его биография была для меня покрыта мраком.

— И один из головорезов вдруг начал болтать с этим пареньком. И напарник мой от скуки отвечал, хотя я ему говорил, что это против правил. Запрещено контактировать с заключёнными. Когда я уходил в туалет, мой напарник рассказывал, как скучает по семье, по дому. Они оказались из одного района, даже жили где-то рядом. Земляки. Ты думаешь, они стали друзьями?

Я помотал головой.

— Собрав нужную информацию, головорез стал угрожать парню, что, выйдя на свободу, перережет всю его семью, ведь он теперь знает его адрес. Парень был в панике. Этот ублюдок угрожал ему и требовал открыть ночью камеру, помочь с побегом.

— И что сделал твой напарник?

— Он впал в отчаяние, и я его не виню. Этот парень застрелил ночью заключённого и застрелился сам. В его кармане была записка, где он объяснил, почему не мог позволить заключённому жить.

Эдвард замолк, да и я ничего не говорил. Спустя пару минут он произнёс:

— Этот парнишка иногда тебя напоминает. А головорез — это Скэриэл. Он использует любую информацию против тебя, как только это ему понадобится. Будь начеку. Защищай себя.

Немного помолчав, я проговорил:

— Я думал, что ты хорошо к нему относишься.

— Я благодарен ему за то, что он вытащил мою задницу из долговой ямы, но я не хочу в один прекрасный день застрелить его из-за того, что он меня шантажирует.

III

В один из дней, когда моё моральное состояние оставляло желать лучшего, я лежал на кровати, пялился в потолок и занимался тем, что умеют все подростки, — бездарно тратил время впустую. Слова Оливера выбили меня из колеи. Всё чаще я стал проваливаться в свои мысли, теряя связь с реальностью.

Пару часов назад я играл в мяч на заднем дворе. Его как-то оставил Скэр, а в следующий свой приход сказал, чтобы я забрал игрушку себе. Мяч, не больше теннисного, удобно умещавшийся в ладони, изредка служил мне способом отвлечься от тяжёлых раздумий. Я кидал его, целясь в стену, и мяч охотно возвращался ко мне.

Скэриэл любил приносить всякие безделушки: самодельные рогатки, кубик Рубика, слаймы, йо-йо, спиннеры — всё то, что было популярно у детей-полукровок, но прошло мимо чистокровных.

Как-то мы пристроились у окна и стреляли из рогатки по деревьям, пока один из маленьких камушков не попал в припаркованную машину Гедеона. Брат спешил, поэтому оставил машину снаружи и ринулся в дом. По-

сле моего неудачного броска на капоте осталась безобразная царапина. Мы со Скэром спрятались, боясь, что Гедеон узнает и придёт в ярость.

И тут я услышал звук разбитого стекла. Увлёкшись, я отошёл и, не рассчитав силы, попал прямо в окно гостиной. Звон был настолько громкий, что из верхнего окна высунулась белокурая головка Габриэллы. Сестра удивлённо посмотрела на меня и молниеносно скрылась. Я был уверен, что она со всех ног несётся ко мне, желая вблизи рассмотреть последствия забавы. По ту сторону разбитого окна возникло испуганное лицо Сильвии.

— Господин Готье, вы в порядке?

Я промолчал, рассматривая стекло под ногами. Носком ботинка с хрустом наступил на осколок — раздался треск.

Конечно, я был не в порядке. Что хуже всего — я даже не чувствовал вины. Это меня удивило больше всего. Обычно я бы тут же бросился извиняться, а получив нагоняй, безропотно отправился в свою комнату.

— Господин Готье? — Сильвия внимательно всматривалась в моё лицо в ожидании ответа.

Может, она боялась, что я поранился, но ничего такого не было. Я пожал плечами и направился к входной двери. В холле со мной столкнулась Габи.

— Ты разбил окно? Разбил? А как разбил? — не унималась она.

— Ага, — равнодушно бросил я, направляясь к лестнице.

Она выбежала из дома, и вскоре до меня донёсся голос Сильвии из гостиной: «Госпожа Габриэлла, пожалуйста, не подходите близко! Это опасно».

Забрав мяч, я оставил его на столе и улёгся на кровать. Повернул голову и наблюдал за тем, как подарок

Скэриэла безмятежно покоится на столе, нежась в лучах солнца. В противовес тому, какой сегодня выдался погожий денёк, у меня на душе скребли кошки. На том же столе находилась огромная клетка с Килли. Канарейка, подаренная отцом и так бессовестно брошенная мной. Я испытывал чувство вины перед птицей, осознавая, как мало уделял ей внимания. Гедеон тайно кормил Килли, следил за его состоянием, выпускал полетать. Об этом мне сообщила по секрету Габриэлла. В отличие от меня, Гедеон — хороший хозяин и бережно относится к питомцам. Рыбки, доставшиеся от мамы, славно устроились в его комнате. Боюсь представить, что было бы, окажись они у меня. Теперь Гедеон взял на себя заботу и о Килли. Я вдруг вспомнил, как мама мечтала назвать канарейку этим именем. Килли. Киллиан. Специально ли она выбрала? Принц Киллиан Бёрко.

Не стучась, в своей обычной манере в комнату вошла Габриэлла. Она выглядела такой счастливой, что мне аж тошно стало.

— У меня сюрприз! Идём покажу. — Она вся сияла как начищенная монета.

— Не сейчас, — не двигаясь, лениво промолвил я.

— Сейчас! Тебе понравится. — Сестра схватила меня за руку и потянула к себе. Я не сдвинулся с места. Она так и сяк крутила мою руку, тянула, пыхтела, но я продолжал лежать.

— Готье, — Габриэлла принялась канючить, — ну пойдём...

Я тяжело вздохнул. И тут она меня ущипнула, да не раз и не два. У меня вырвался предательский вскрик, и я ошарашенно уставился на неё, потирая покрасневшую кожу. Пришлось проследовать в её комнату, а то, уверен,

она бы не оставила на мне живого места. Габриэлла порой была такой же упёртой, как и Гедеон.

Скэриэл сидел по-турецки, пытаясь уместиться за маленьким столиком, и размахивал руками. Улыбка не сходила с его лица.

— Я сделала ему маникюр! — торжественно объявила Габриэлла, хлопая в ладоши. Она ринулась к Скэру, схватила его за ладонь и показала мне коряво покрашенные чёрным лаком ногти.

— Спасибо за прекрасный сервис, — смеясь, проговорил Скэриэл. — Цвет зашибенный.

— Высохли, — довольно заключила Габи, рассматривая ногти Лоу.

Я поднял руку и показал им большой палец. Не было желания что-либо говорить. Я хотел бы остаться в своей комнате и продолжить пялиться в потолок. Хотел бы, чтобы меня просто оставили в покое. Давно не испытывал такого упадка сил, как сегодня.

— Можно, я тебе тоже покрашу? У меня все цвета есть. Чёрный, белый, красный. Зелёный хочешь? — Габриэлла уселась за столик и принялась хвастаться своей коллекцией лаков. — Готье, какого цвета хочешь?

— Моргни, если она тебя перед этим пытала, — сказал я Скэриэлу.

— Да нет, было весело. Я сразу согласился. — Он потянулся к открытой коробке с шоколадными конфетами и закинул одну в рот. — У неё есть жидкость для снятия лака. Так какой тебе цвет?

— Никакой. — Я завалился на кровать Габриэллы лицом вниз.

— Фу, горький, — скривился Скэриэл. — Биби, можешь воды принести?

— Я буду красить ногти Готье, — надулась Габриэлла.

— Не будешь. — Я повернул голову в её сторону.

— Ну пожалуйста, — начала упрашивать она.

— Нет, Габи, — жёстко отрезал я, на что сестра изумлённо округлила глаза и затихла.

— Да ладно тебе, Готи, — Скэриэл попытался разрядить обстановку, — ты через десять минут всё сотрёшь.

— Кто-нибудь в этом доме понимает слово «нет»? — Я не мог понять причину охватившего меня гнева, но сдержаться не получилось.

Скэриэл замолчал и серьёзно посмотрел на меня. Я отвернулся, но чувствовал, как он прожигает меня взглядом.

— Что-то случилось?

— Он разбил окно в гостиной, — мигом нашла что ответить Габриэлла. Голос её звучал осуждающе. Видимо, она обиделась на меня из-за отказа.

— Биби, принеси мне, пожалуйста, стакан воды, а потом мы с тобой поиграем во что-нибудь, — дружелюбно предложил Скэриэл.

— Во что?

— Может, в парикмахера? Вон у тебя набор детский есть.

— Да! — радостно отозвалась Габриэлла и подскочила. — Только воды? У нас ещё остался пирог. Фанни приготовила сегодня утром.

— С чем он? — заинтересованно спросил Лоу. — А он вкусный?

— Да, очень. — Габи уже стояла в дверях. — С яблоками. Яблочный. Очень вкусный. Я два кусочка съела.

— Ну, раз с яблоками, так ещё и два кусочка, — задумчиво протянул Скэриэл, — тогда неси. Только помни, что никому нельзя говорить, что я здесь, а то не сможем поиграть.

— Я знаю, — ответила Габи и затем добавила шёпотом: — Это наш секрет.

— Секрет, — шёпотом повторил Скэр.

Сколько у неё было этих секретов в её восемь лет, хотел бы я знать. Габриэлла вышла и тихо прикрыла за собой дверь. Совсем не так, как десятью минутами ранее, когда она чуть ли не с ноги вломилась ко мне.

— Что случилось? — повторил он.

«Ты не поймёшь», — хотелось ответить мне. Как ему объяснить, что в последние дни моя жизнь катится под откос? Семья не настоящая, а настоящая мертва. Я оказался наследным принцем, но с какой целью Уильям Хитклиф меня забрал? Как к нему относиться? Он милосердный самаритянин или опасный интриган? Мне было стыдно признаться самому себе, что на фоне правды о семье я продолжал думать об Оливии. Возможно, она питает ко мне совсем не дружеские чувства. Узнай я это раньше, прыгал бы от счастья, но сейчас чувствовал, что ещё больше запутываюсь. И, что неприятнее всего, я думал, что Оливер решил надо мной подшутить, и тогда, признайся я Оливии, выставил бы себя на посмешище.

Я начал путаться с тем, как называть моего ненастоящего отца. Остаётся ли он мне отцом или нет, учитывая, что я не знаю его целей? Империя Бёрко, восстание, убийство императорской семьи, новая страна, а во главе — Совет старейшин. Кто я в этой шахматной партии? Очередная пешка на пути к управлению страной? Что мне делать?

Скэриэл был моим лучшим другом, и мы никогда ничего не скрывали друг от друга, но сейчас я хотел сохранить это в тайне. Если мою семью убили полукровки и низшие, то меньше всего мне хотелось делиться этим со Скэриэлом. Он был полукровкой, а Джером — низ-

шим. Теперь я понимал, что сейчас мы по разные стороны баррикад.

— Ничего. — Я поднялся и серьёзно взглянул на него. — Ты обещал мне экскурсию по Запретным землям.

Скэриэл кивнул.

— Я думал, ты забыл.

— Когда мы сможем это устроить?

Мне хотелось лично увидеть, как живут низшие, что могло сподвигнуть их на восстание, что могло заставить их возненавидеть императора Бёрко и привести к его убийству.

Он пожал плечами.

— Когда твоего отца не будет дома. Прогуливать лицей тебе нельзя.

— Нельзя, — согласился я. — У меня по средам короткий день. Я что-нибудь придумаю, например, что пойду гулять с Оливером, а вместо этого мы отправимся в Запретные земли.

— Да, можно, если Оливер поддержит твоё алиби.

За дверью раздался голос Габриэллы:

— Откройте дверь! У меня руки заняты!

Скэриэл направился к двери.

— Если она будет так кричать, то ваш секрет быстро станет достоянием общественности, — усмехнулся я.

— Пароль? — игриво спросил Скэр у Габриэллы через дверь.

— Пароль? — переспросила она и затихла.

— Я ночью приду к тебе, — произнёс он шёпотом. — Хорошо?

Раньше он этого не спрашивал. Я кивнул в ответ.

— Что кошки говорят? — хихикая, спросил Скэриэл у Габи.

— Мяу-мяу? — весело ответила она за дверью.

— Правильный ответ. — И он открыл дверь. Я надеялся, что Габриэлла забыла о том, что хотела накрасить мне ногти.

Около десяти вечера, когда я лёжа читал и готов был вот-вот заснуть, в дверь постучались.

— Господин Готье, — тихо позвала Лора. — К вам пришёл мистер Брум.

— Оливер? — недоумённо спросил я.

— Да, верно.

— Пригласи его, пожалуйста, в мою комнату.

— Возможно, вам лучше самому спуститься, — нерешительно произнесла она из-за двери.

Я поднялся и открыл ей.

— Что с ним?

— Он не очень хорошо держится на ногах.

Я спустился первым, Лора тихо семенила за мной. В гостиной, уткнувшись в подушки на диване, полулежал Оливер. Он лениво приподнял голову и радостно произнёс:

— Готье, друг мой! Давно мы с тобой не виделись.

Виделись недавно в библиотеке. Сейчас он был пьян. Я повернулся и требовательно спросил у Лоры:

— Кто дома?

— Госпожа Габриэлла принимает ванну. Ей помогает Сильвия. Господин Уильям ещё не вернулся со службы. Господин Гедеон приходил два часа назад и снова уехал.

— Кто его видел? — Я незаметно указал на Оливера, сражающегося с диванной подушкой. Он пытался встать, но терпел поражение за поражением.

— Охрана, я и Фанни.

— Прикажи всем молчать. Ни слова Гедону и отцу. Лора закусила губу, желая что-то сказать, но промолчала.

— Что? — нетерпеливо спросил я, наблюдая за тем, как Оливер уселся и принялся рассматривать попавшую под руку книгу.

— Кевина выгнали за то, что он попросил прислугу не говорить...

— Ладно, понял, — перебил я, — сам расскажу отцу. Ступай и принеси, пожалуйста, воды в мою комнату.

— Готье, — весело проговорил Оливер, когда я закинул его руку себе на плечо, — я хотел пробраться к тебе в комнату через окно, но не дошёл. У тебя грубый охранник.

— Охранник не дал тебе свернуть шею, — пропыхтел я, медленно таща его по лестнице. — Выдам ему премию.

Я боялся, что отец вернётся и застанет Оливера в таком состоянии. Лучше всего было отвести его в мою комнату.

Мы добрых пять минут потратили на попытки преодолеть лестничные пролёты. Оливер доблестно воевал с каждой непокорной ступенькой, попутно рассказывая о том, как он час пытался заказать такси до моего дома.

— Чёртовы таксисты, — не унимался он, — они все думают, что я заблую им салон.

— Или откинешь копыта по дороге, — улыбнулся я.

— В точку. Я правда сегодня перепил. Обычно алкоголь меня не берёт. Я свою меру знаю.

Мы вошли в комнату, и я скинул его на кровать. Не знаю, сколько он весил, но моё плечо болезненно тянуло. В дверь постучали, я без вопросов открыл и забрал поднос у Лоры.

— Передай Сильвии, что ко мне пришёл одноклассник. Пожалуйста, не мешайте нам.

Закрыв за ней дверь, я подошёл и протянул стакан с водой Оливеру. Он с благодарностью принял.

— Расскажешь, что произошло?

— Хороший ты друг. — Он опустошил стакан и вернул мне, усаживаясь на кровати. — Ничего, просто я веселюсь.

— Один веселился? — хмыкнул я. — Или в компании?

— Мне и одному хорошо, — улыбнулся он. — Вот тебя увидел, и ещё лучше стало.

— Приятно слышать, — улыбнулся я в ответ.

Наступила тишина. Я посмотрел на часы.

— Хочешь у меня остаться с ночёвкой? Скоро Скэриэл обещал забежать.

— Нет, нет, я просто... — Оливер запнулся, уставившись куда-то в сторону. — Поговорить с тобой хотел. Мне больше некуда идти.

— А Оливия?

— О нет, она опять разозлится. — Он поморщился. — Кажется, это была глупая идея. Прости.

Оливер торопливо встал и, пошатываясь, направился к двери.

— Куда ты? — Я схватил его за плечо.

— Сейчас я понял, что зря пришёл и только доставил тебе неприятности.

— У тебя проблемы? Нужна помощь?

А про себя подумал, что вот только чужих-то проблем мне сейчас и не хватало.

— Я, кажется, совершил глупость. — Брум испуганно посмотрел на меня, как будто лишь сейчас осознал всю серьёзность происходящего.

— Ага, — понимающе отозвался я, хотя ни черта не понимал. — И?

— Я влюбился, — вдруг ляпнул он.

Я чуть было не сказал «поздравляю», но вовремя прикусил язык.

— В Скэра? — уточнил я.

— В кого? — Он ошеломлённо глянул на меня, а затем к нему пришло озарение. — Он тебе рассказал про поцелуй? Конечно, рассказал. Вы же всё время вместе.

Мне стало неловко.

— Нет, это не Скэриэл. Прости. Я не знаю, что на меня нашло. Просто я был в подавленном состоянии, а потом вы сказали, что не встречаетесь, а ещё ссора с Оливией, и мы остались с ним наедине, — продолжил Оливер сумбурно. — Всё так навалилось в тот день.

— Тогда кто?

— Ты никому не скажешь? Обещай.

— Никому.

— И даже Скэриэлу, — с сомнением в голосе добавил Оливер.

— Слушай, ты можешь не называть имя, если не хочешь, я не заставляю. Так даже будет лучше.

— Нет. Прости. Я просто нервничаю. — Помедлив, Оливер добавил: — Это Берnard.

Так вот почему он на днях спрашивал о Бернарде. Никогда бы не подумал.

— Ого, — выдохнул я в ответ. — Вы встречаетесь? Тайно?

— Я думал, что да. Оказалось, что нет, — мрачно рассмеялся Оливер. — Не это самое паршивое. Он меня использовал.

Брум то хихикал, как глупая девица, то замолкал и серьёзно смотрел в сторону, словно размышлял о смыс-

Песнь Сорокопута. Ренессанс

ле жизни. Его иногда штормило. Вот Оливер уверенно стоит на ногах, и я отпускаю его плечо, а вот он уже хватается за шкаф или стену, чтобы не рухнуть на пол.

Я в недоумении уставился на него.

— Он обдурил меня. — Оливер пригладил волосы, усаживаясь обратно на кровать. — Я всегда считал себя сообразительным, но тут повёлся, как последний дурак. Представляешь? Какой идиот. — Он засмеялся, но выглядел так, словно сейчас разревётся.

— Что он сделал?

Оливер опустил глаза, помолчал, затем медленно произнёс:

— Бернард меня шантажирует.

IV

— Бернард? — переспросил я. — Шантажирует?

Я не хотел делать поспешные выводы, ведь Оливер был пьян и под воздействием алкоголя мог нести откровенный бред. Но вместо ответа он вымученно посмотрел на меня и кивнул.

Улёгшись на кровать, он подтянул колени к груди и угрюмо уставился на противоположную стену, как человек, не справляющийся с тяготами жизни и потерявший веру в то, что всё наладится.

За окном окончательно стемнело. Я слышал, как порывы ветра гоняли пожелтевшие листья на улице. В комнате наступила такая пронзительная тишина, что я мог уловить затруднённое дыхание Оливера. Его тревожное состояние передалось и мне. Я не хотел продолжать разговор, не хотел, чтобы Оливер вываливал все проблемы — пусть молчит дальше, охваченный беспокойством, — и в то же время чувствовал, что поступаю как последняя сволочь, желая сейчас только одного — чтобы Оливер покинул меня как можно скорее.

Возможно, я боялся не его проблем, а того, что ничем не смогу помочь. Я сам был сейчас не в лучшей форме; собственная беспомощность приводила в ярость.

— Почему? — спустя время задал я вопрос, когда понял, что Оливер не жаждет ввести меня в курс дела.

Тяжко вздохнув, он промолвил:

— Не знаю. Может, я притягиваю придурков? — И сам горько усмехнулся.

Я был с этим категорически не согласен. Да, Оливер Брум не самый дружелюбный и общительный человек, но он точно не заслуживал такого. Я вспомнил его пьяную ссору с Оливией и то, как он в порыве гнева выкрикивал все эти жестокие слова о том, что отцу плевать на него. Есть ли в этом доля правды, я не знал. Любил ли его отец? Мистер Брум всегда казался мне строгим, но отходчивым человеком. Проблемы с отцом волновали и меня. Я вдруг понял, как много общего у нас с Оливером. Любил ли меня отец? Не тот, что красуется во всех учебниках истории семьи Бёрко. Любил ли меня когда-нибудь тот отец, который взял меня младенцем в свою семью?

Решив зайти с другой стороны, я спросил:

— Кто-нибудь ещё знает о том, что Бернард тебя шантажирует?

И всё же я не мог оставить его одного, не мог выпроводить в таком плачевном состоянии. Я вдруг почувствовал себя Атлантом, вместо небесного свода охотно взвалившим на свои плечи чужие трудности.

— Оливия знает. — Оливер продемонстрировал забинтованную ладонь. — Порезала мне руку.

— Что, прости?

— Руку, говорю, порезала. И телефон мой утопила, — буднично добавил он; затем, чуть помедлив, без капли гнева резюмировал: — Истеричка.

Кажется, у меня было настолько удивлённое выражение лица, что Оливер одарил меня снисходительной улыбкой. Нахмурившись, я опустился на стул и уставился на гостя. С каждой фразой всё сложнее было воспринимать сказанное всерьёз. На его лице так и читалось довольное: «Да-да, она именно такая, а я тебе говорил».

Прекрасная, как ангел, Оливия? Та самая, что одним своим нежным голосом вводила меня в состояние эйфории? Та, от которой у всех парней кружилась голова? Неужели всё, что говорил Оливер по поводу сестры, — чистая правда? Быть может, Скэриэл прав и я не вижу дальше своего носа. Тогда он говорил о Леоне с его постоянными синяками, затравленным голосом и взглядом, полным печали, но сейчас я и сам всё это стал замечать.

— Слабо верится, — буркнул я в ответ. А что мне ещё оставалось? Я не мог вступить с Брумом в открытый спор, ведь что я, по сути, знал о его сестре?

— И зря, — возразил он. — По этой причине я до последнего не хотел ей говорить.

Вместо того чтобы идти на попятную, избежать дальнейшего разговора, я мягко предложил:

— Может, расскажешь с самого начала?

Оливер замолчал. Я не стал его торопить, понимая, что он, возможно, собирается с мыслями. Или думает о том, как бы поскорее покинуть мою комнату — в какой-то мере этого желал и я. Давить на Оливера я точно не хотел, учитывая, каким жалким он сейчас казался. Если он нуждался в том, чтобы просто поплакаться в жилетку, полежать на моей кровати, бессмысленно рассматривая стену, то кто я такой, чтобы возмущаться. Я ждал, разглядывая прыгающую по клетке канарейку.

— Мы сблизились с ним летом, — внезапно начал Оливер, не отрывая взгляда от стены.

Меньше всего я ожидал услышать тихий стук сбoku. По ту сторону окна взлохмаченный Скэриэл ещё раз постучал костяшками пальцев и помахал мне. Обычно я держал окно приоткрытым, потому что не выношу духоту, но сегодня погода испортилась. Я торопливо поднялся и открыл окно. Холодный ветер ворвался в комнату, сметая со стола тетради. Я опустил тяжёлую клетку на паркет.

— Я не вовремя? — спросил Скэриэл, кивнув на Оливера.

На голове у него было чёрт-те что, напоминавшее воронье гнездо. Я вспомнил, как впервые встретил его в «Глубокой яме» в птичьей маске.

— Ну, — начал было я, оглядываясь на Брума.

— Как ты прошёл мимо охраны? — возмущённо проговорил Оливер, поднимаясь.

— А что? — весело спросил Скэр, пытаясь обуздать тёмные волосы, что так и норовили закрыть ему глаза. Скэриэл пару раз заправил выбившиеся пряди за ухо и ослепительно улыбнулся Оливеру. Я бросил беглый взгляд на Брума — хотел убедиться, не против ли он компании полукровки. Тот растерялся, неловко потёр бледную шею, затем вымученно улыбнулся в ответ. Мне ничего не оставалось, как принять это за согласие.

— Он тоже пытался залезть в окно, но не вышло, — объяснил я, пропуская друга.

Скэриэл проворно перелез через оконную раму и спрыгнул со стола.

— Тут нужна сноровка, — радостно пояснил он.

Я вспомнил, как чуть было не выпал из окна, желая поскорее подслушать Гедеона, и вздрогнул.

— Что обсуждаете? — беззаботно спросил Скэр и, подойдя к клетке, протолкнул указательный палец сквозь прутья. — Привет, мистер птичка.

Я не знал, что ему ответить. Мы обсуждали шантаж Бернарда Дона, вот только я не имел права об этом говорить без разрешения Оливера.

Что до Оливера, то он выглядел потерянным. Видимо, он был морально готов поделиться со мной всей историей, но совсем не ожидал, что так скоро пожалует Скэриэл. Говорить при нём Брум не хотел.

Скэриэл повернулся к нам, выгнул бровь и спросил:

— Ну, что затихли? Я не вовремя?

— Я, пожалуй, пойду. — Оливер встал, пошатываясь.

Он торопливо направился к двери, но чуть было не завалился в сторону. Скэриэл бросился к нему, схватил за руку и помог удержать равновесие. Движения его были резкие, но уверенные.

— Ты пьян? — твёрдо спросил он. Оливер изумлённо уставился на него, и тогда Скэр, смягчив голос, заботливо добавил: — Куда ты в таком состоянии...

При таком контрасте даже мне стало неловко. Звучало интимно, и я вдруг почувствовал себя третьим лишним в собственной комнате.

— Я... домой. Мне надо домой, — обречённо произнёс Оливер, вяло вырываясь.

Скэриэл требовательно посмотрел на меня, словно негодуя: «Да какого чёрта тут происходит?» Выглядел он не на шутку взволнованным, но то, с какой пылкостью он стремился разобраться в ситуации, мигом меня успокоило. Я уже мысленно скинул это бремя на него, мечтая, чтобы Скэриэл как можно скорее разрешил проблемы Оливера. В глубине души я был уверен, что

вот кто-кто, а Скэр точно сможет это сделать, хоть и не представлял как.

— Оливер, стой, — пробормотал я. — Посиди немного.

— Что с тобой? — серьёзно спросил Скэриэл. Он взял Оливера за подбородок и грубо повернул к себе. — Что случилось? — Затем добавил то, что, видимо, с самого начала надеялся услышать каждый из нас, попав в беду: — Я помогу.

Не знаю, что так подействовало на Оливера: стальная хватка, твёрдый голос или это уверенное «я помогу», но он слабо кивнул и произнёс:

— Один человек меня шантажирует.

Так вот как это происходит. Пока я бестолково прыгал вокруг костра, пританцовывая, боясь надавить и чем-то задеть Оливера, Скэриэл просто шёл напролом.

— Кто?

— Готье его знает. — Оливер кивнул на меня.

Скэриэл вопросительно оглянулся, и я добавил:

— Его зовут Бернард Дон. Наш общий приятель. Учится в Академии Святых и Великих.

— Присядь, — властно велел Скэриэл, и Оливер послушно опустился на кровать.

— Он, понимаете... — Брум запнулся, теребя бинт. — Мой отец... — И снова замолчал.

Мы со Скэриэлом тоже молчали, дожидаясь, пока Оливер соберётся с мыслями.

— Я думал, что мы встречаемся, что у нас отношения. Бернард мне нравился, — вздохнув, продолжил он. — Правда нравился. Всегда весёлый, шутит классно. А вот Ви его сразу невзлюбила. — Оливер упомянул сестру, а мой взгляд всё это время был прикован только к его пораненной руке. — И знаете, в Академии на прошлой

неделе было тестирование. Готье, ты ведь в курсе, что мой отец управляет Академией и у него в кабинете есть варианты тестов. Бернард уговорил меня помочь ему. — Оливер горько усмехнулся. — Вот идиот я, да? Пришёл в кабинет отца и, пока его не было, полез в ящики, нашёл тесты и сфотографировал. Отправил Бернарду, и он сдал на сто баллов. — Голос Брума предательски задрожал. — А теперь он хочет, чтобы я помог ему и с сессией. У мистера Барнса сложный экзамен. Я отказался. Один раз я по глупости уже совершил ошибку, подставил этим отца, но во второй раз точно нет. Он сказал, что расскажет моему отцу об этом.

— И тем самым подставит себя? — спросил Скэриэл.

— Не знаю, — удивлённо произнёс Оливер, уставившись на Скэра. Кажется, эта мысль не приходила ему в голову.

— Вот он сукин сын, — добавил я.

— И этому Бернарду нужны новые тесты? — прищурившись, уточнил Скэриэл. Выглядел он как опытный следователь. Для пущей убедительности ему не хватало ещё взять в руки блокнот и время от времени пометать что-то на листе.

Оливер помотал головой.

— Вопросы к экзаменам.

— Разве их не дают до сессии? — спросил я. — Мне кажется, я видел распечатки вопросов у Гедеона.

— Все преподаватели разные. Одни дают, другие нет. Я даже не знаю, существует ли этот список вопросов, но Бернард сказал, что его это не волнует, — с жаром проговорил Оливер. — Говорит, хоть взломай ноутбук отца или мистера Барнса.

— Что будет, если отец узнает? — Я нервозно сел на свой стул, а Скэриэл устроился на полу, сев по-турец-

ки. Я только сейчас обратил внимание, что ногти у него выкрашены в чёрный цвет. Он так и не стёр лак после встречи с Габриэлкой.

— Если узнает? — горько переспросил Оливер. — Что я «встречаюсь», — он изобразил воздушные кавычки, — с парнем, так ещё ворую тесты для него? Даже не знаю... — Он хихикнул, затем провёл пятернёй по волосам. — В очередной раз пожалеет, что я появился на свет. — Его голос дрогнул, и он спрятал лицо в ладонях, шумно дыша.

— Он точно об этом не жалеет, — возразил я, отвечая скорее не Оливеру, а самому себе. Жалел ли Уильям Хитклиф, что взял меня в семью?

— Ты его не знаешь, Готье. Ты ни черта не знаешь... — Оливер повысил голос и злобно посмотрел на меня. — Он годами меня не замечал. Что бы я ни делал: высокие оценки — конечно, конный спорт — легко, — Брум принялся агрессивно загибать пальцы, — участие в шахматном турнире — запросто! Но отец ничего этого не замечает. Зато если Оливия чихнёт в своей комнате, — тут он указал пальцем в сторону, словно комната сестры была расположена в моём доме, — то он мигом прибежит к ней с лимонным чаем. Что мне оставалось делать? Я из кожи вон лез, чтобы добиться его одобрения, — он раскинул руки в стороны, — и что получал в ответ? Безразличие.

Мы со Скэриэлом замерли.

— И тогда я решил, а почему бы просто не заняться своей личной жизнью? — В его голосе послышались истеричные нотки. — Ему плевать на весь мужской род, в том числе и на меня. Я подумал: а что если выбесить его, разозлить, как он меня злит своим отношением? Кого он не любит? Мужчин? Тогда почему бы мне не встречаться с парнем?

Оливер зажмурился, словно его одолевала головная боль. Он помассировал виски и продолжил:

— Думал, повстречаюсь немного с Бернардом просто назло отцу. И влюбился! — грозно проговорил он, как будто совершил самую большую ошибку в жизни. — Я планировал его использовать, но в итоге это он воспользовался моим положением. — И Оливер затих, уставившись куда-то вниз.

— Я помогу тебе, если ты этого хочешь, — спокойно произнёс Скэриэл, словно истерика Оливера его ничуть не задела.

Оливер насмешливо посмотрел на Скэра и хмыкнул:

— Как?

— Если он посещает Запретные земли, я могу достать компромат на него. Око за око. Шантаж за шантаж.

— Какой компромат? — насторожился я.

Помнится мне, Скэриэл уже использовал свои связи, чтобы достать фотодоказательство того, что Оскар и Билли планировали меня подставить.

— Если он снимал в клубе девочку, — Скэриэл обратился ко мне, затем к Оливеру, — или мальчика, то я могу достать фотографии с камер видеонаблюдений. Или если он покупал или принимал наркотики.

— Ты это можешь? — охнул Оливер, впервые посмотрев на Лоу восторженным взглядом.

— Придётся воспользоваться старыми связями, — задумчиво протянул Скэр.

«Как будто цену себе набивает», — подумал я.

Оливер живо спустился с кровати к Скэриэлу, схватил его за руки и жалобно вымолвил:

— Я буду тебе по гроб жизни обязан, пожалуйста, помоги мне.

Улыбнувшись, Скэриэл кивнул.

Спустя час я посадил успокоившегося Оливера в такси. Он сообщил, что не собирается возвращаться домой, а лучше отправится к дяде. Когда машина скрылась за углом, я медленно побрёл обратно, всматриваясь в свои окна. Шторы в комнате были плотно задернуты, свет выключен, но я был уверен, что Скэриэл лежит на кровати, уткнувшись в смартфон.

Войдя, я отодвинул штору, впуская лунный свет, и уселся на пол. Скэриэл убрал телефон в сторону, лёг на бок, подперев голову рукой, и взглянул на меня.

— Ты правда можешь ему помочь? — Я посмотрел на него, подмечая, каким же он кажется огромным с этого ракурса. Очертания его тела тонули в темноте.

— У меня есть выбор? — хмыкнул он.

— У тебя не будет проблем с этим?

— А ты волнуешься за меня?

Меня раздражало, когда Скэр отвечал вопросом на вопрос, хотя сам я частенько этим злоупотреблял.

— Вообще-то я серьёзно.

— Я тоже, — поспешно отозвался он.

Я раздражённо вздохнул. Хотелось выкинуть весь этот день из головы — впрочем, и последние месяцы тоже.

— У меня будут проблемы, если я попадусь, — внезапно проговорил Скэриэл. — Но я хочу чем-нибудь помочь Оливеру.

— Какие проблемы?

— В лучшем случае меня могут избить.

— А в худшем? — теперь не унимался я.

— Ты должен понимать, что жизнь в центре и в Запретных землях различается, — устало проговорил Скэриэл.

— Я хочу узнать больше о жизни в Запретных землях: какие там правила...

— Правило только одно: выживает сильнейший, — грубо оборвал меня он.

— Это я уже понял, — проворчал я. — Но я хочу узнать, как вы учитесь, как работаете, чем занимаются низшие и полукровки в свободное время, что думают о чистокровных, хотят ли они лучшей жизни, что для этого делают.

Скэриэл недоверчиво проговорил:

— С чего вдруг такая заинтересованность?

Я опешил, начисто забыв о том, что нужна хоть одна убедительная причина для внезапно нахлынувших распросов.

— Просто... — медленно ответил я, понимая, насколько глупо это звучит, — интересно.

— У тебя что-то случилось?

— Нет, — поспешно произнёс я. — Я что, просто не могу задать тебе вопросы?

Скэриэл сверлил меня долгим взглядом, отчего у меня противно засосало под ложечкой. Было неприятно ему врать. Казалось, что я предаю нашу дружбу. Внезапно Скэриэл поднялся на кровати и резко спустился ко мне, словно боялся, что я сейчас сбегу. Сел он совсем близко, так что я мог дотронуться до его плеча, протянув руку. Я уже пожалел о том, что не стал включать свет.

— Просто знай, — начал он тихим голосом; пришлось напрячься, чтобы чётко расслышать его, хоть мы и сидели рядом, — если у тебя что-то случилось, ты можешь всегда со мной поговорить.

Я медленно кивнул. Скэриэл нежно сжал мою руку и тепло улыбнулся.

Никогда в жизни я не чувствовал себя так погано, как сейчас. И я точно не заслуживал такого друга, как он.

V

Сегодня я впервые надел мамин шарф в лицей. С её смерти прошло три года, мне успело стукнуть семнадцать, а я всё ещё не мог со спокойным сердцем смотреть на её надгробие. Каждый раз, стоило приехать на кладбище, мне казалось, что всё это так неправильно, несправедливо, что мы не должны быть здесь. Что *она* не должна быть здесь... Холодный мраморный ангел, прильнувший к надгробию, выглядел изысканно, благородно, но ни капли не сочетался с яркой маминой улыбкой на фотографии.

Шарф был до абсурда нелепым, но всё же я держался за него, словно этот кусок ткани прочно связывал меня с мамой. Я до последнего убеждал себя, что там, на небе — вне всяких сомнений, она в раю, — мама обрадуется, увидев меня замотанным в её подарок.

Странно, но о маме я никогда не думал как о чужом человеке. Между мной, отцом, Гедеоном и Габриэлкой мигом выстроилась стена, стоило мне узнать о том, что я потерянный сын Бёрко. Даже раньше я чувствовал, как мы не сходимся характерами. Но мама всегда оста-

валась мамой. У неё были тёплые руки, нежный смех, забавное чувство юмора, а как она любила танцевать! Включала польку и приглашала меня присоединиться. И, чтобы подыграть ей, я просто дрыгался в такт музыке, чем очень веселил её. К нам обычно приходила Габи, и тогда, взявшись за руки, мама с ней кружилась, заливаясь громким радостным смехом. Гедеон проходил мимо, но, бьюсь об заклад, на его лице появлялась незаметная улыбка. Раньше он чаще улыбался, не то что сейчас. Отец любил такие вечера и с удовольствием позволял маме вовлечь его в этот шумный балаган. Он брал маму за руку, притягивал к себе и танцевал так, словно больше не было никого на свете. Габриэлла кричала рядом, смеялась, прыгала с дивана на кресло, вцеплялась в меня и повисала, как тяжёлый мешок, желая, чтобы я поднял её на руки. Гедеон ворчливо просил быть потише, но сам не спешил покидать гостиную, наблюдая со стороны. Я замечал, как он слегка кивает в такт музыке. Сильвия выглядывала из холла; тёплая улыбка появлялась на её строгом лице. С кухни, хихикая, приходили на звуки музыки и смеха Кэтрин и Фанни. Однажды Гедеон пригласил Кэтрин на танец, заметив, как она хочет присоединиться ко всеобщему веселью, но стесняется хозяев.

Тогда, наблюдая за другими, я хотел поскорее подняться к себе в комнату, но увидел, что Фанни пританцовывает на месте. Вдохновлённый поступком брата, я тоже пригласил кухарку на танец. Быстро взяв меня за руку, она пустилась в пляс. Садовник, Кевин и ещё несколько человек из персонала наблюдали за нами из открытого окна. И, когда уровень веселья переходил все мыслимые барьеры, даже Кевин на лужайке брал кого-нибудь под руку — краем глаза я видел их макушки во

дворе, — и они тоже танцевали, заливаясь задорным смехом.

Больше не будет как прежде. В этом доме всё замерло и затихло со смертью мамы.

Я предложил Скэриэлу на днях навестить Кевина. Он поддержал моё предложение и посетовал, почему сам до этого не додумался. По правде говоря, давно следовало это сделать. В день, когда Кевин покидал наш дом, я пообещал, что обязательно навещу его у Томаса, но забыл об этом, потонув в своих проблемах.

В лицее тоже не всё было гладко. Весь день Оливер бродил без настроения. На занятиях сидел, уткнувшись в тетрадь. Казалось, он избегал любого зрительного контакта. Оливия, напротив, сияла, лучезарно улыбалась всем, словно пыталась своим оптимизмом затмить угрюмого брата.

На последнем уроке я получил записку от Леона: «Что с Оливером?»

«Не знаю, может, проблемы в семье?» — уклончиво написал я в ответ.

Леон отреагировал молниеносно: «Может, ему нужна помощь? Давай после уроков поговорим с ним?»

И вот что прикажете делать? Замкнутый круг. Я знал о проблеме Оливера, Оливия знала, даже Скэриэл, но Леон оставался в неведении. И, что смешнее всего, мы все догадывались, что у Кагера не всё гладко в жизни, в семье, но он героически рвался помочь другому. Меня так и подмывало написать: «А тебе самому помощь не нужна?» Но я знал, что поступлю как последняя сволочь.

У меня не было ни малейшего представления, как выкручиваться из сложившейся ситуации. Что ответить Леону? Если Оливер не поставил его в известность, значит, не больно ему этого и хотелось. Хрупкий, беспо-

мощный Леон, ну чем он мог помочь Оливеру? Даже я не мог ничего предпринять; уверен, Оливер пришёл ко мне, чтобы разделить с кем-нибудь свою боль. Он совсем не ждал, что я реально смогу разрешить его проблему.

Леон ждал моего ответа.

«Может, не стоит? Вдруг он не хочет ни с кем делиться? Может, он просто поссорился с сестрой», — попытался выкрутиться я, но звучало неубедительно.

Спустя долгие пятнадцать минут на мой стол вернулась записка: «Возможно, ты прав...»

Не знаю, поверил Леон в это или нет, но в любом случае у него не было выбора. Без моего энтузиазма его запал сошёл на нет.

Сегодня левое запястье Кагера было перебинтовано. Я вспомнил ладонь Оливера и задумался над тем, самостоятельно ли Леон ушибся или кто-то приложил к этому руку. Может, это его дядя, на которого мы со Скэриэлом частенько думали, или очередная выходка Клива, который не унялся после нашей взбучки в туалете.

Я раскрыл лист и написал: «Что с твоим запястьем?»

Леон взял ручку и быстро написал ответ; убедившись, что преподаватель не смотрит, передал мне сложенный лист. «На репетиции «Щелкунчика» ушибся».

Я вспомнил разговор со Скэриэлом. Как он говорил... «Если у тебя что-то случилось, ты всегда можешь со мной поговорить». Допустим, если я напишу такое Леону, не будет ли это перебор?

Я просидел добрых пять минут, подбирая нужные слова. Это оказалось не так уж и легко. Как намекнуть человеку, что, если он всё-таки жертва, выход есть? А если не жертва, то я попаду впросак и выставлю себя идиотом, что, впрочем, не в новинку для меня.

После окончания занятий я вновь по привычке направился к парковке. Как оказалось, без личного шофёра очень тяжело. Приходилось постоянно заказывать такси, ещё неизвестно, какой достанется водитель.

Сегодня меня повёз домой молодой полукровка. Учтивый — бросился открывать мне дверь; общительный — пару раз пытался завести беседу; и шумный — поняв, что я без настроения, просто болтал о своём.

— В центре мне нравится. А кому бы не нравилось? Чисто, безопасно, да и контингент порядочный. Вот только агрегаторы слишком завысили суточную плату: помимо того, что я плачу за аренду авто — машина, конечно, крутая, я давно хотел ездить на автомобиле премиум-класса, — так ещё оплачиваю бензин, комиссию, нет, вы только представьте, мистер чистокровный, двадцать процентов! Так плата за поездки для пассажиров снизилась! Комиссия растёт, а плата снижается. Где бы вы такое ещё увидели? — Он посмотрел на меня в зеркало заднего вида и, словно извиняясь, произнёс: — Да, простите, я тут жалуясь вам, а вы слишком молоды, чтобы во всём этом разбираться.

— Продолжайте, мне интересно.

— О, благодарю вас, мистер чистокровный, сэр. Так, о чём это я? Агрегатор даже за программное обеспечение плату берёт. Да, небольшую в месяц, но к концу года накапливается приличная сумма. Вот и приходится работать днями и ночами, чтобы хоть как-то отбить эти деньги. А если я ещё получу штраф, то всё, останусь без денег. А что в итоге? Я устаю, очень хочу спать, так ещё мне надо есть, а машину надо постоянно мыть, чтобы выглядела презентабельно. Я уже не говорю про чистку салона, даже вот эти ароматизаторы, — он указал на мультяшных персонажей на приборной панели, — стоят

прилично. Они очень нравятся детям, когда я перевожу семьи чистокровных. Чувствуете, пахнет хвоей? Это вот они, родненькие, но дорогие, скажу я вам.

— Да, чувствую, — кивнул я.

Внезапно мне понравилось слушать этого болтливого водителя, я даже на минуту забыл о своих проблемах, вникая в его монолог.

— Для чистокровных, кстати, плата за поездку завышена. Для полукровок чуть ниже. Вот вы когда скачивали приложение и регистрировались, вы отмечали в своей анкете, что вы чистокровный?

— Ага.

— Вот! — победоносно произнёс он. — Транспортная компания — это вам не хухры-мухры, они хитрые, знают, у кого больше денег. — Он снова посмотрел на меня. — Простите, если я вас чем-то задел.

— Ничего.

— Я вам советую удалить анкету и заново скачать, а потом в графе «Статус» поставить «полукровка» — сэкономите прилично. — Он по-приятельски улыбнулся мне.

— Спасибо за совет, обязательно воспользуюсь.

Мы подъехали к дому, но не успел я отстегнуть ремень безопасности, как водитель ринулся ко мне, спеша открыть дверцу.

— Всего хорошего, мистер чистокровный, сэр. С вами приятно было ехать.

— С вами тоже, мистер полукровка. — И, чуть помедлив, я добавил: — Сэр.

Он весь светился, как рождественская ель.

Я стоял, наблюдая за тем, как его машина уезжает. Когда он скрылся за углом, я вытащил из кармана смартфон и посмотрел стоимость поездки. Как я и думал, су-

щие гроши, но если посчитать, сколько должен потратить водитель, то получается, что он уходит в минус. На экране высветилась форма оценки поездки, я поставил высокие баллы и ещё перевёл на личный счёт водителя чаевые — в пять раз больше, чем стоила поездка. Мне показалось, что это была моя самая лучшая трата денег за последнее время.

Отец сегодня вернулся домой рано. Я знал, что разговора нам не избежать. Он и так оттягивал этот момент не меньше меня, но всему хорошему рано или поздно приходит конец.

После того как я переоделся и поел в одиночестве — из лица приехал поздно, отец с Габи уже успели пообедать, — засел за домашнее задание, но меня не покидала мысль: «Сейчас кто-то из прислуги пригласит меня в кабинет к отцу». Время шло, я пытался решать алгебру, но то и дело возвращался мыслями к предстоящему разговору. Продумывал контраргументы на его очередные нелепые доводы в пользу того, что все полукровки не больше чем рабочая сила. Это настолько захватило моё воображение, что я уже не мог сосредоточиться ни на чём другом, кроме как на будущем разговоре с отцом. Я не откажусь от дружбы со Скэриэлом. Больше того, я опять потребую вернуть Кевина на должность моего шофера. Хочет он этого или нет, но я буду стоять на своём.

Когда раздался стук в дверь, я чуть было не взвизнул от испуга. Настолько погряз в своих воображаемых баталиях, что позабыл о реальном мире.

— Господин Готье, господин Уильям просит вас в свой кабинет, — проговорила Лора.

Я вздохнул, приходя в себя.

— Понял, спасибо!

Этот час настал. Я выскажу отцу всё, что о нём думаю. Если, конечно, не струшу под его тяжёлым взглядом.

Уже у его двери мой боевой настрой начал предательски спадать. Я поправил одежду, набрал в лёгкие воздуха и постучался.

— Входи, — громко раздалось по ту сторону.

Идти до конца! Я вошёл в кабинет.

— Присядь, — махнув рукой, отец указал на кресло напротив стола.

Моя решимость кричала о том, чтобы встретить отца стоя, уверенно глядя ему в лицо, но вместо этого я покорно сел, пока он подписывал документы.

— Как твоя подготовка к экзаменам? — не глядя на меня, спросил отец.

Более-менее. Скорее даже менее. Точнее, я вообще забыл про экзамены, спасибо, что напомнил.

— Идёт полным ходом, — твёрдо сказал я.

— Это хорошо, — произнёс он. — Что по поводу наставника?

Чёртовы наставники. Сдались они мне, ей-богу. Нет уж, обойдусь. Я могу отказаться? Так вот, я отказываюсь. Хватит с меня. Весь первый год в Академии Святых и Великих будет для меня сплошным стрессом, не хватало ещё хмурого Гедеона или ленивого Оскара за спиной. Нет, серьёзно, о чём отец думает, предлагая их? Он же не настолько слеп, чтобы не замечать, как ко мне относятся брат?! Про Оскара я вообще молчу.

— Да, я много думал об этом, — проговорил я, — и решил, что...

Что в гробу я видел этих наставников.

— Гедеон хочет быть твоим наставником, — прервал меня отец.

Ха! И ещё раз — ха!

Гедеон в гробу меня видел, вот это уж сто процентов, без вариантов. Такое чувство, что отец живёт в своём собственном мире, где в семье царит любовь и гармония, а мы с Гедеоном живём душа в душу, как истинные братья.

— Не думаю, что Гедеон этого хочет, — неуверенно сказал я.

— Я слышал, что Оскар хотел быть твоим наставником. Он с тобой уже об этом поговорил?

Поговорил, а затем увёз в Запретные земли и бросил там.

— Да, он спрашивал, — начал было я.

Отец оторвался от документов и внимательно посмотрел на меня.

— Но я не хочу, чтобы Оскар был моим наставником.

— Интересно, — протянул он. — Ни брат, ни Оскар. Так кого ты хочешь в качестве наставника? Выбрал другого претендента?

Я взял себя в руки и посмотрел отцу в глаза. До этого я малодушно избегал его взгляда, уставившись на ковёр. Мне очень хотелось увидеть его реакцию.

— Да, выбрал.

Вообще не выбрал, даже думать об этом не смел. Какие тут наставники, когда совсем недавно я узнал о том, что всё кругом обман.

— И кто это?

Отец нетерпеливо барабанил пальцами по столу.

— Люмьер Уолдин.

Надеюсь, он не успел выбрать себе другого первокурсника.

Отец удивлённо посмотрел на меня, повторил: «Люмьер Уолдин?» — словно пробовал имя на вкус.

Я ждал его вердикта.

— Хорошо, — произнёс он, словно сам был изумлён моим выбором, но в конце концов остался доволен.

Просто камень с души. Ещё бы Люмьер знал об этом.

— Ты спросил его? Или это он тебе предложил?

Я чуть было не ответил «да» на два противоположных вопроса.

— Я, то есть он, — торопливо выпалил и прикусил губу, чтобы не ляпнуть что-то ещё. Помедлив, снова ответил: — Точнее, это был я. Спросил его, может ли он быть моим наставником. Так всё и было.

«Господи, — пронеслось в моей голове, — помолчи, ни слова больше». Я самолично рыл себе яму.

— Люмьер — достойный выбор, — ответил отец спустя минуту.

— Я хотел сказать вам кое-что ещё, — набравшись храбрости, произнёс я.

— Да?

Я поднялся, надеясь, что, если буду крепко стоять на ногах, моя тирада прозвучит убедительнее.

— Скэриэл мой друг, нравится вам это или нет. Я буду с ним дружить, потому что он хороший человек. Он не совершал ничего плохого. Если родиться полукровкой — это ошибка, то я жалею, что родился чистокровным, — враждебно выпалил я.

VI

Отец выглядел так, словно его огрели чем-то тяжёлым по голове.

Удивление сменилось замешательством, я впервые видел его в таком состоянии. Он глубоко вздохнул и быстро взял себя в руки. Теперь отец смотрел сурово, я бы даже сказал, с подозрением, как будто не верил, что эти слова были произнесены мной.

— Жалеешь, что родился чистокровным? — с постановкой повторил он и смерил меня убийственным взглядом.

Тело покрылось холодным липким потом, ноги задрожали, ещё чуть-чуть, и подкосились бы. От бывшей уверенности не осталось и следа. Я сжал руки в кулаки, впиваясь ногтями в ладони.

Его разочарованию не было предела. Не отрывая взгляда, отец медленно поднялся. Мне хотелось отвести глаза, спрятаться, забиться куда-нибудь и переждать бурю, но я заставлял себя, требовал: «Смотри ему прямо в глаза, покажи, что ты уверен в своих словах, даже если внутри ты весь содрогаешься от страха».

Когда внушительная фигура появилась напротив, ко мне пришло пугающее осознание. Отец никогда не согласится с моим мнением, никогда не примет Скэриэла и не вернёт Кевина. Я так и останусь для него чужаком, посягнувшим на всё святое в этой семье и попытавшимся оспорить его авторитет. Я шёл по лезвию ножа, рискуя всем.

— Ты никогда не голодал, Готье, — его голос звучал строго, — у тебя были дорогие игрушки в детстве, ты учишься в лучшем заведении, тебя окружают люди из высшего общества, ты получаешь всё, чего захочешь, — он давил каждым «ты», «тебе» так, что становилось невыносимо слушать, — любой каприз, любое пожелание... Я позволял тебе так много. — Отец весь клокотал от гнева. Мне стало нечем дышать, будто резкими словами он бил под дых. — Видимо, я позволял тебе слишком много и тем самым избаловал. Ты не ценишь ничего из того, что у тебя есть. Этот полукровка, — отец смотрел с презрением, — он хитрый оборванец, вцепился в тебя клешнями и пользуется, а ты, — он свирепо указал на меня пальцем, — не замечаешь этого. У тебя нет жизненного опыта, и ты доверяешь, подумать только, кому? Полукровкам? Ещё скажи, что жалеешь низших! — крикнул он напоследок, отчего я вздрогнул.

Я сдался и отвёл взгляд. Меня трясло. Он был прав, и в то же время я отказывался принимать это. Отец развернулся и подошёл к окну. Я был рад, что он больше не смотрел на меня, не сверлил уничижительным взглядом.

Мы долго молчали. Я слышал весёлые крики Габи с улицы; кажется, она собирала букет из опавших листьев. Но её голос был настолько далёк, словно доносился из другого мира. Я уже было решил, что отец возненавидел меня, что не желает даже закончить разговор должным образом. Но тут он снова громко вздохнул. Это был тяжёлый, полный печали вздох.

— Твои слова больно ранили меня. «Жалею, что родился чистокровным». Что бы сказала мама? — задумчиво произнёс отец. — Ты хотел бы родиться в другой семье? В семье полукровок? Тебе здесь плохо? Поэтому ты попытался сбежать?

Он знал о неудавшемся побеге, но ничего до этого мне не говорил. Я закусил губу, не зная, что ответить. Казалось, силы меня оставили, а голос потерял. Я просто мечтал как можно скорее покинуть кабинет.

— Что я делаю не так? Ты хочешь, чтобы я относился к полукровкам как к равным. Ты хочешь дать им наши права. Давай поселим каждого полукровку в центре. Через неделю всё будет изгажено, испорчено, осквернено. — Отец снова начал заводится, но остановил себя. Чуть помолчав, он продолжил спокойным голосом: — Этот мир не просто так создал нас разными, Готье. Почему одним дана свыше тёмная материя, а другим нет? Не задумывался об этом? Так было predetermined. Одни хороши в управлении, другие в исполнении обязанностей, а третьи не способны ни на что. Посади кухарку руководить страной — и не выйдет ничего хорошего. Каждому своё место. — Помедлив, отец тихо добавил: — Со временем ты поймёшь.

Я молчал, сдерживая слёзы. Совсем не хотелось плакать при нём, как дитя.

— Готье, не совершай моих ошибок. По молодости я тоже дружил с полукровками. — Я ошеломлённо взглянул на отца, но он смотрел в окно. — Это не дружба. Они используют тебя, прекрасно понимая, что ты владеешь тем, чего у них нет: власти, денег, связей. Отношения ради выгоды.

— Вы дружили?.. — тихо переспросил я.

Он повернулся ко мне. Горькая улыбка коснулась его лица.

— Ты повторяешь мои ошибки. Тогда, будучи молодым и наивным, я разочаровался в дружбе. Не хочу, чтобы это произошло и с тобой. — Его голос смягчился. Казалось, что он жалеет о своих грубых словах. — Подойди.

Я неуверенно сделал пару шагов. Отец раскрыл руки, приглашая к себе. Наверное, я никогда не был так растерян, как сейчас.

Он сделал шаг навстречу и, обнимая, притянул меня к себе. Вблизи он казался ещё выше. Мужской парфюм, тот самый, что прочно ассоциировался у меня с отцом, сразу ударил в нос. Родной запах. Тот парфюм, который однажды давным-давно подарила ему мама. В глазах предательски защипало. Как бы я хотел сейчас обнять её и тоже вот так стоять, ощущая тепло нежных рук. Она бы поняла меня.

Отцовская ладонь мягко легла мне на макушку. Щекой я чувствовал ткань шерстяного пиджака.

— Как ты быстро вырос, — проговорил он тихо, с сожалением. — Я не хочу, чтобы полукровка обидел тебя.

Отец избегал его имени.

— Простите меня, пожалуйста, за тот раз, — внезапно начал я, не справляясь с нахлынувшими чувствами, — когда я воспользовался тёмной материей. Я не хотел.

— Я знаю. — Отец отпустил меня, и мы неловко встали рядом.

— Мне очень жаль. Правда. Я места себе не находил. — От переживаний я принялся щёлкать пальцами, но мигом себя остановил, понимая, как это раздражает.

— Да, Гедеон рассказывал.

— Гедеон? — Я поднял голову и посмотрел на отца.

— Он наблюдает за тобой и рассказывает о твоих делах.

Наблюдает? Рассказывает о моих делах? Гедеон? Слишком много вопросов, от которых голова кругом.

Я чувствовал, что отец смягчился, поэтому решил осторожно вернуться к исходной теме. Первая моя речь, сказанная на эмоциях, вышла никудышной. Теперь я решил пойти другим путём. Всё ещё было страшно с ним говорить, но то, как смущённо, с лёгкой долей неловкости он смотрел, придало сил. Значит, не мне одному тяжело давался этот разговор.

— Отец, я понимаю ваши опасения по поводу, — я решил, что будет разумно избегать имени Скэриэла, — моих друзей. Но я взрослою и хочу сам узнать, кто мне друг, а кто нет. Методом проб и ошибок. — Я молниеносно подбирал слова, вспоминая статью на тему отношений, которую прочитал час назад. — Я готов набивать шишки, но это будут мои шишки. — Выделив голосом «мои», я серьёзно продолжил: — Обещаю, что буду очень осторожен, и если что-то пойдёт не так, то сразу вам всё расскажу.

Он смотрел долгим, изучающим взглядом, словно пытался запомнить каждый дюйм моего лица. Я выдержал его взгляд, желая во что бы то ни стало идти до конца, потому что понимал: если не сейчас, то больше никогда у меня не получится с ним поговорить по душам. Возможно, впервые мы говорим как отец и сын — как близкие люди.

Внезапно он кивнул.

— Хорошо, — чуть жёстче произнёс отец, видимо, не уверенный в своём решении, — ты можешь с ним видеться, — эта фраза далась ему тяжелее всего, — но взамен я предложу тебе кое-что. Есть хороший психиатр, мне посоветовали. Ты не против сходить к ней на приём?

— Психиатр? — Меня передёрнуло.

— Пара сеансов со специалистом, ничего серьёзного.

— Вы думаете, у меня крыша поехала? — начал злиться я.

— Не носи ерунды, Готье, — недовольно выдал отец. — Психиатр тебе нужен для экзамена по тёмной материи. Я знаю, что практика сложно даётся, но ты силён, — он усмехнулся, как будто намекая на то, что я сбил его в холле, — значит, дело не в самой материи.

Я нахмурился, не ожидая такого предложения. Звучало так, словно он действительно хотел помочь.

— Тогда вы разрешите дружить, с кем я хочу?

— Я разрешаю тебе общаться и видаться со... — помедлив, он выплюнул: — Со Скэриэлом. Но, если я узнаю, что он тебя использует, пеняй на себя.

Отец точно подбирал слова, как будто словосочетание «дружить со Скэриэлом» звучало оскорбительно.

— Согласен. Пара сеансов с психиатром, — кивнул я в ответ.

Неужели мы пришли к компромиссу... Выходил я из кабинета отца так, словно голыми руками поборол самого яростного льва на свете. И, только оказавшись в своей комнате, понял, что забыл спросить про Кевина.

Через пару дней мы собрались у Скэриэла. Близнецы Брум явились, когда Скэриэл объяснял мне, почему ни Джерома, ни мистера Лоу нет дома.

— Они в Запретных землях. Эдвард уехал по работе, а Джером встречается со своим старым другом.

— Давно я их не видел.

— Соскучился? — хихикнул он.

Я пожал плечами.

— Может.

Оливер вошёл первым. Шагал он стремительно, на ходу стягивая пальто и небрежно бросив его на диван, вместо того чтобы повесить.

— Ну что? Прощу, не томи, — практически взмолился Оливер, обращаясь к Скэриэлу.

Оливия ослепительно улыбалась нам и неторопливо складывала свой мятный шарф.

— Привет, ребята, — поприветствовала она нас.

— Привет, — ответил ей Скэриэл и повернулся к Оливеру: — Да, всё в порядке. Не переживай. Я достал фотографии.

— Господи боже мой, — вздохнул с облегчением Оливер и плюхнулся на диван. Он выглядел так, словно впервые за долгое время успокоился.

Оливия впорхнула в гостиную и легко села рядом с братом. Сегодня её волосы были уложены в пучок. С такой причёской я видел её нечасто, но выглядела она, честно говоря, потрясающе в белом свитере с высоким воротником и в длинной, до лодыжек, бордовой юбке. Ей бы ещё берет — вылитая француженка.

— Мы вчера катались на лошадях, — поделилась она с нами. — Вам стоит присоединиться к нам.

Не знаю, чья это была прихоть, но с недавнего времени близнецы начали посещать раз в неделю клуб верховой езды. До поступления в Академию Святых и Великих Гедеон тоже охотно посещал его и был без ума от лошадей. Я же предпочитал наблюдать за ними со стороны, особенно после того случая, когда конь Гедеона наступил мне на ногу. Может, именно в этом и кроется моя проблема с танцами.

— Господи, Ви! — внезапно с раздражением бросил Оливер и скривился, как от зубной боли. — Хватит строить из себя принцессу.

— Прекрати срывать на мне свой гнев, — холодно ответила она, повернувшись к брату.

— Да они всё знают! — взревел Оливер, указывая на меня и Скэриэла. — Я рассказал им, что ты мне руку порезала и телефон утопила.

Мы со Скэриэлом переглянулись и замерли, оба не знали, что ещё добавить. Кажется, об этом знал только я, но Скэриэл не подал виду.

— Рассказал? — уточнила она.

— Да, да, — повторил брат. — Прекрати изображать бог знает кого. Будь собой хоть здесь. Тебе самой не надоело?

Она замолчала, словно задумалась. Прошли долгие минуты, прежде чем Оливия что-то для себя осознала. Я чуть было не разинул рот, когда на её ангельском личике появилась сердитая складка между бровей. Глаза неожиданно сузились, губы плотно сжались, и она с обидой посмотрела на брата. От прежней Оливии не осталось и следа.

— Ну что ж, спасибо, — резко проговорила она.

Оливер закатил глаза.

Внезапно Оливия подняла руки и, поколдовав над пучком, вытащила четыре шпильки, затем небрежно размотала пряди и удовлетворённо выдохнула, когда копна волос тяжело опустилась на плечи. Она поправила волосы и произнесла:

— Вы просто сейчас не понимаете меня. От пучка у меня аж голова заболела. Боже, как хорошо... — простонала она и, запустив руки в волосы, помассировала кожу головы.

Пока мы со Скэриэлом удивлённо наблюдали за ней, она торопливо стянула через голову свитер, оставшись в белой майке, сквозь которую просвечивал лифчик. Я залился краской и отвернулся к окну.

— Скэриэл, я буду тебе премного благодарна, если ты дашь мне футболку. Мне и в майке неудобно.

Стараясь не смотреть на неё, я бросил беглый взгляд на Лоу.

— Ага, — кивнул он, замороженно глядя на Оливию. Я даже не мог его упрекнуть в этом.

— Футболка? — с улыбкой повторила она, когда Скэриэл не сдвинулся с места.

— Да, точно, сейчас. — Ещё секунду он пялился, а затем бросился к лестнице.

Единственным, кто ничему не удивился, был Оливер. Он нервно качал ногой и тёр ладони. Да и в целом выглядел Брум всё ещё беспокойно, в то время как его сестра, кажется, чувствовала себя совершенно в своей тарелке.

Когда Оливия надела чёрную футболку Скэра, то почти потонула в ней. Комфортно устроившись на диване, она положила ногу на ногу и довольным тоном выдала:

— Так-то лучше.

Я и Скэриэл всё ещё смотрели на неё, оба поражаясь внезапным изменениям.

— Ну что? — бросила она. — Вот я настоящая. Привыкайте.

— А ты разгроми тут комнату и переверни стулья на кухне, чтобы они точно познакомились с настоящей тобой, — пробубнил Оливер себе под нос, за что получил локтем в бок. — Ай!

— Хорошего понемножку, — весело ответила Оливия. — Я же не хочу, чтобы они попадали в обморок.

— Как будто тебе вообще есть до них дело...

— Иди к чёрту, милый, — нежным голосом проворковала она.

Оливер громко хлопнул в ладоши, отчего я вздрогнул, и резко встал.

— Ну что там с фотками?

— Да зачем вам фотки? — Оливия закатила глаза; клянусь, в этот момент она выглядела так же, как Оливер. Потрясающее сходство. — Просто напиши заявление по поводу шантажа на этот кусок дерьма.

Крепкие словечки, вылетающие изо рта Оливии, поразили меня. Так вот что чувствовал отец, когда я вы-

сказал ему сегодня по поводу Скэриэла. Теперь я его понимал.

— Нет! Отец так может узнать! — Оливер гневно посмотрел на неё. — И ты не смей ему говорить!

— Больно надо, — бросила Оливия, отвернувшись.

— В общем, — подал голос Скэриэл, — есть кое-что. Не самое лучшее качество, но что есть, с тем и будем работать. — Он потянулся к рюкзаку и достал фотографии. — Вот.

— Ну хоть что-то, — нетерпеливо проговорил Оливер, протягивая руку.

Я подошёл ближе и принялся рассматривать снимки. Бернارد — это, без сомнения, был он, хоть изображение и нечёткое, так ещё сделанное в тёмном помещении, — в окружении двух человек нагнулся к белой дорожке на столике. Усомниться в его действиях мог только наивный глупец.

— Это лучшее, что я видел в своей жизни, — медленно проговорил Оливер, и Оливия прыснула от смеха. Брум повернулся к Скэриэлу и восхищённо посмотрел на него: — Я не знаю, как тебя благодарить. Ты мне жизнь спас.

— Я был рад помочь, — смущённо сказал Скэриэл.

— Это просто охренеть, — оценил я. — Это что? Он наркоман?

— Да хоть серийный маньяк! — Оливер прижал снимки к груди. — Это моё спасение.

— Ага, похоже на кокаин, — подтвердил Скэриэл.

— Вот дела... — только и смог вымолвить я.

— А телефон ты зачем утопила? — вдруг весело спросил Скэриэл у Оливии.

— Потому что мой братец, глупый маленький мальчик, считал, что, если он будет долго упрашивать этого придурка, тот над ним сжалится.